Каждый хочет любить

Автор:
Марк Леви

Каждый хочет любить

Марк Леви

Литературная карьера Марка Леви, одного из самых популярных французских писателей, развивалась стремительно. Первая же его книга «Между небом и землей» прогремела на весь мир и вскоре была экранизирована Стивеном Спилбергом. Следующие романы неизменно становились бестселлерами, и не только во Франции.

«Каждый хочет любить» – забавная и трогательная история двух разведенных мужчин, которые пытаются жить одним домом вместе с детьми, не допуская в свой налаженный быт приходящих нянь и женщин вообще. Но, как бы высоко ни ценили они дружбу, сердце требует большего, а потому, каждый на свой лад, друзья не перестают искать настоящего счастья.

Марк Леви

Каждый хочет любить

Marc Levy

Mes amis mes amours

Издательство благодарит Анастасию Лестер за содействие в приобретении прав на данное название

www.marclevy.info

© 2006 Editions Robert Laffont/Susanna Lea Associates

© Р. Генкина, перевод на русский язык, 2006

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Издательство Иностранка

***

Книги одного из самых популярных французских писателей Марка Леви переведены на сорок пять языков и расходятся многомиллионными тиражами.

Париж

– Помнишь Каролину Леблон?

– Второй «А», всегда сидела на задних партах. Твой первый поцелуй. Сколько лет уже…

– Чертовски хороша она была, эта Каролина Леблон.

– С чего это ты вдруг о ней вспомнил?

– Вон там, рядом с каруселью, та женщина на нее похожа, как мне кажется.

Антуан внимательно оглядел молодую мамашу с книжкой. Переворачивая страницу, она бросала быстрый взгляд на маленького сынишку, который хохотал, вцепившись в холку своей деревянной лошадки.

– Этой женщине у карусели лет тридцать пять, если не больше.

– Нам тоже за тридцать пять, – заметил Матиас.

– Думаешь, это она? Ты прав, чем-то она напоминает Каролину Леблон.

– Как же я был в нее влюблен!

– Ты тоже делал за нее задания по математике в обмен на поцелуй?

– Что за мерзости ты говоришь.

– Почему мерзости? Она целовала всех отличников.

– Говорю же, я был по уши влюблен в нее!

– Ну и ладно, самое время перевернуть страницу.

Сидя бок о бок на скамейке у площадки с аттракционами, Антуан и Матиас отвлеклись от молодой мамы и стали разглядывать мужчину в синем костюме, который пристроил большую розовую сумку у ножки стула и повел свою маленькую дочурку к карусели.

– Спорим, у него уже месяцев шесть срока, – изрек Антуан.

Матиас вгляделся в бедолагу. Молния на сумке была приоткрыта, и оттуда высовывались пачка печенья, бутылочка лимонада и лапа плюшевого мишки.

– Давай! Три месяца, не больше!

Матиас протянул руку, Антуан хлопнул по ладони:

– Спорим!

Девчушка на лошадке с позолоченной гривой на секунду потеряла равновесие. Отец ринулся вперед, но служитель карусели подоспел раньше и поудобнее усадил ее в седле.

– Ты проиграл… – заверил Матиас.

Он подошел к мужчине в синем костюме и уселся рядом.

– Поначалу трудно, а? – снисходительно спросил Матиас.

– Еще как! – со вздохом согласился мужчина.

– Потом станет еще сложнее, вот увидите.

Матиас бросил беглый взгляд на соску, не прикрытую колпачком, торчащую из сумки.

– Давно вы разошлись?

– Три месяца…

Матиас похлопал его по плечу, с победоносным видом направился обратно к Антуану и сделал другу знак следовать за ним.

– С тебя двадцать евро!

Вдвоем они двинулись прочь по аллее Люксембургского сада.

– Ты возвращаешься в Лондон завтра? – спросил Матиас.

– Сегодня вечером.

– Так мы даже не поужинаем вместе?

– Только если ты сядешь в поезд вместе со мной.

– Я завтра работаю!

– Перебирайся работать туда.

– Не начинай по новой. Что, по-твоему, мне делать в Лондоне?

– Быть счастливым!

1

Лондон, несколько дней спустя

Сидя за рабочим столом, Антуан дописывал последние строчки письма. Перечитал, остался доволен, аккуратно сложил листок и убрал в карман.

Свет прекрасного осеннего дня просачивался сквозь жалюзи окна, выходящего на Бьют-стрит, и стекал на светлый паркет архитектурного бюро.

Антуан накинул пиджак, висевший на спинке стула, поправил рукава свитера и быстрым шагом направился к вестибюлю. По дороге притормозил и склонился над плечом одного из своих инженеров, чтобы рассмотреть чертеж, над которым тот корпел. Антуан переместил угольник и поправил линию в разрезе. Маккензи кивком поблагодарил его, Антуан ответил улыбкой и продолжил свой путь к двери, поглядывая на часы. На стенах были развешаны фотографии и чертежи проектов, осуществленных агентством со дня своего основания.

– Вы сегодня уходите в декрет? – спросил он у секретарши.

– Ну да, пора уже малышу появиться на свет.

– Мальчик или девочка?

Молодая женщина скорчила гримаску, положив руку на круглый живот.

– Футболист!

Антуан обошел стойку, обнял секретаршу и осторожно прижал к себе.

– Возвращайтесь скорее… не слишком быстро, и все же поскорее! В общем, возвращайтесь, когда захотите.

Он помахал ей рукой, отошел и толкнул стеклянные двери, ведущие к лифтам.

Париж, тот же день

Стеклянные двери большого книжного парижского магазина распахнулись перед клиентом в шляпе и шарфе, обвязанном вокруг шеи. Он явно торопился и сразу направился в отдел школьных пособий. Продавщица, стоя на самом верху стремянки, громко выкликала названия и количество стоящих на полке книг, а Матиас заносил данные в тетрадку. Без всякого вступления клиент поинтересовался не слишком приветливым тоном, где он может найти полное собрание сочинений Гюго в издании «Плеяды».

– Какой том? – спросил Матиас, подняв глаза от своей тетрадки.

– Первый, – ответил мужчина еще суше.

Молоденькая продавщица перегнулась и ухватила книгу кончиками пальцев. Затем наклонилась, чтобы передать ее Матиасу. Мужчина в шляпе проворно выхватил книгу и пошел к кассе. Продавщица вопросительно взглянула на Матиаса, а он, сжав зубы, положил тетрадку на прилавок и бросился следом за клиентом.

– Здравствуйте, пожалуйста, спасибо, до свидания! – прорычал он, перекрывая тому доступ к кассе.

Изумленный клиент попробовал обойти его, но Матиас вырвал у него из рук книгу и, не переставая твердить во все горло: «Здравствуйте, пожалуйста, спасибо, до свидания!», вернулся к прерванной работе. Несколько посетителей в растерянности наблюдали за этой сценой. Разъяренный мужчина в шляпе покинул магазин, кассирша пожала плечами, молодая продавщица на своей верхотуре изо всех сил сдерживала смех, а владелец магазина попросил Матиаса зайти к нему до конца дня.

Лондон

Антуан шел по Бьют-стрит пешком. Когда он поравнялся с переходом, рядом с ним притормозило и остановилось такси. Антуан кивком поблагодарил водителя и доехал до французского лицея. Прозвенел звонок, и двор начальной школы заполнила детвора. Эмили и Луи с ранцами на спине шагали бок о бок. Мальчик повис на шее отца. Эмили улыбнулась и отошла к ограде.

– Валентина не пришла за тобой? – спросил Антуан у Эмили.

– Мама позвонила учительнице, она запаздывает и просила меня подождать ее в ресторане у Ивонны.

– Тогда пойдем с нами, я тебя отведу, и мы втроем что-нибудь перекусим.

Париж

Мелкий дождик отбивал дробь по блестящим тротуарам. Матиас плотнее запахнул плащ, поднял воротник и двинулся по переходу. Такси засигналило и едва не задело его. Шофер высунул руку в окно и недвусмысленным жестом выставил средний палец. Оказавшись на другой стороне, Матиас зашел в небольшой супермаркет. Серые отсветы парижского неба сменились яркими

неоновыми огнями. Матиас поискал на стеллажах кофе, взял банку, в раздумье глянул на замороженные полуфабрикаты и предпочел им ветчину в вакуумной упаковке. Наполнив металлическую корзинку, подошел к кассе.

Продавец вернул ему сдачу, но не улыбку; «доброго вечера» он тоже не дождался.

Когда он добрался до прачечной, там уже были опущены металлические шторы. Матиас вернулся к себе.

Лондон

Устроившись за столиком в пустом зале ресторана, Луи и Эмили рисовали что-то в своих тетрадках, не забывая лакомиться карамельным кремом, секрет которого был известен только хозяйке заведения Ивонне. Она как раз поднималась из винного погреба, Антуан шел следом, таща ящик с бутылками, две плетенки с овощами и три банки сметаны.

– Как ты умудряешься все это сама перетаскивать? – недоумевал Антуан.

– Уж как-то умудряюсь! – отвечала Ивонна, указывая ему место за стойкой, куда сложить все принесенное.

– Ты бы наняла кого-нибудь в помощники.

– А чем я буду расплачиваться с этим кем-нибудь? Я и одна-то едва концы с концами свожу.

– В воскресенье мы с Луи придем тебе на подмогу; хоть приведем в порядок твой склад, а то там черт ногу сломит.

– Оставь мой склад в покое; лучше отведи своего сына в Гайд-парк покататься на пони или сходи с ним в Тауэр, он уже сколько месяцев об этом мечтает.

– Он больше мечтает побывать в Музее ужасов, а это далеко не одно и то же. Он еще слишком мал.

– Или ты слишком стар, – возразила Ивонна, расставляя бутылки бордо.

Антуан просунул голову в дверь кухни и с вожделением уставился на два огромных противня, водруженных на плиту. Ивонна потрепала его по плечу.

– Накрыть вам вечером на двоих? – спросила она.

– А может, на троих? – Антуан взглядом указал на Эмили, прилежно склонившуюся над тетрадкой в глубине зала.

Но не успел он договорить, как мама Эмили, вся запыхавшаяся, влетела в бистро. Она обняла дочь, извиняясь за опоздание и объясняя, что ее задержало собрание в консульстве. Спросила, сделала ли Эмили домашнее задание, и та кивнула, очень гордая собой. Антуан и Ивонна наблюдали за ними от стойки.

– Спасибо, – сказала Валентина.

– Не за что, – хором ответили Ивонна и Антуан.

Эмили собрала ранец и взяла мать за руку. На пороге они обернулись и попрощались.

Париж

Матиас поставил фотографию в рамке на кухонную стойку. Кончиками пальцев он провел по стеклу, будто лаская волосы дочери. На фотографии Эмили одной рукой держалась за мать, а другой махала ему на прощание. Это было в Люксембургском саду, три года назад. Накануне того дня, когда Валентина, его жена, покинула его, чтобы уехать вместе с дочерью в Лондон.

Стоя за гладильной доской, Матиас поднес руку к поверхности утюга, проверяя, достигла ли она нужной температуры. Среди рубашек, на каждую из которых он тратил по четверти часа, лежал маленький пакет, завернутый в фольгу, и Матиас прогладил его с особым тщанием. Потом поставил утюг на подставку, выдернул шнур из розетки и развернул фольгу, под которой обнаружился дымящийся сэндвич с ветчиной и сыром. Матиас переложил его на тарелку и понес свой ужин к дивану в гостиной, прихватив по дороге газету с журнального столика.

Лондон

Если у стойки бара в начале вечера царило оживление, то обеденный зал оставался полупустым. Софи, молодая цветочница, которая держала магазинчик рядом с рестораном, зашла, придерживая обеими руками огромный букет. Очаровательная в своем белоснежном халатике, она расставила лилии в вазе на стойке. Хозяйка незаметно указала ей на Антуана и Луи. Софи направилась к их столику. Она поцеловала Луи и отклонила предложение Антуана присоединиться к ним: ей еще нужно прибраться в магазине, а завтра спозаранок отправляться на цветочный рынок на Коламбиа-роуд. Ивонна подозвала Луи, чтобы он выбрал себе мороженое в холодильнике. Мальчик убежал.

Антуан достал письмо из кармана пиджака и незаметно передал его Софи. Та развернула листок и принялась читать с видимым удовольствием. Не прерывая чтения, подтянула к себе стул и уселась. Потом передала первую страницу Антуану.

– Можешь начать так: «Любовь моя…»

– Ты хочешь, чтобы я написал «любовь моя»? – задумчиво переспросил Антуан.

– Да, а в чем дело?

– Ни в чем!

– Что тебя смущает? – недоумевала Софи.

– Мне кажется, это немного слишком.

– Слишком что?

– Просто слишком!

– Не понимаю. Если я люблю человека, то называю его «любовь моя»! – убежденно настаивала Софи.

Антуан взял ручку и снял колпачок.

– Это ты любишь, тебе и решать! И все-таки…

– Все-таки что?

– Если бы он был здесь, возможно, ты любила бы его немного меньше.

– Вредный ты, Антуан. Ну почему ты вечно говоришь такие гадости?

– Потому что это правда! Когда люди видят нас ежедневно, они с каждым разом все меньше обращают на нас внимание… а через некоторое время и вовсе перестают замечать.

Не выдержав обиженного взгляда Софи, он сдался.

– Отлично, значит, скажем: «Любовь моя…»

Он помахал листком, чтобы чернила высохли, и отдал его Софи. Она поцеловала Антуана в щеку, поднялась, послала воздушный поцелуй Ивонне, хлопочущей за стойкой, и уже переступила было порог, когда Антуан окликнул ее:

– Извини меня за все, что я наговорил.

Софи улыбнулась и вышла.

Зазвонил мобильник Антуана, на дисплее высветился номер Матиаса.

– Ты где? – спросил Антуан.

– Дома, на диване.

– Что-то у тебя голос кислый или мне кажется?

– Нет, нет, – запротестовал Матиас, теребя уши плюшевого жирафа.

– Я сегодня забрал твою дочку из школы.

– Знаю, она мне сказала, я только что с ней разговаривал. Кстати, я должен ей перезвонить.

– Ты так по ней скучаешь? – спросил Антуан.

– Еще больше, когда вешаю трубку после разговора с ней, – с легкой грустью признался Матиас.

– Думай о том, как ей пригодится потом в жизни свободное владение двумя языками, и радуйся. Она замечательная, и она счастлива.

– Да, в отличие от ее папы… я все знаю.

– У тебя неприятности?

– Думаю, меня в конце концов уволят.

– Лишний повод перебраться сюда, к ней поближе.

– А на что я буду жить?

– В Лондоне тоже есть книжные магазины, и работы здесь хватает.

– А эти твои магазины часом не английские?

– Мой сосед уходит на пенсию. Его книжная лавка расположена в самом центре французского квартала, и он ищет управляющего себе на замену.

Антуан признал, что магазинчик соседа куда скромнее, чем тот, в котором Матиас работает в Париже, зато он будет сам себе хозяин, что в Англии не считается преступлением… В целом лавочка очень приятная, хотя косметический ремонт ей бы не помешал.

– А много надо переделывать?

– Это уже по моей части, – заметил Антуан.

– И во сколько мне обойдется должность управляющего?

– Владелец прежде всего хочет, чтобы его детище не превратилось в закусочную. Он вполне удовлетворится небольшим процентом с продаж.

– А что именно, на твой взгляд, означает «небольшим»?

– Небольшим! Небольшим, как… расстояние, которое будет отделять твое рабочее место от школы твоей дочери.

– Я никогда не смогу жить за границей.

– Почему? Или ты думаешь, что жизнь в Париже станет прекрасней, когда пустят трамвай? Здесь трава растет не только между рельсами, а вокруг полно парков… Вот, например, сегодня утром я кормил белок в своем саду.

– Да уж, вижу, ты занят по горло!

– Ты прекрасно освоишься в Лондоне, энергия здесь бьет ключом, люди приветливы, а что до французского квартала, здесь точь-в-точь Париж… только без парижан.

И Антуан выдал исчерпывающий список французских заведений, расположенных вокруг лицея.

– Ты даже сможешь покупать свою любимую «Л’Экип» и пить кофе со сливками на террасе кафе, не покидая Бьют-стрит.

– Ты преувеличиваешь!

– А почему, как ты думаешь, лондонцы прозвали эту улицу Лягушачьей аллеей? Матиас, здесь живет твоя дочь. И лучший друг тоже. Да к тому же ты сам все время твердишь, что жизнь в Париже – сплошной стресс.

Матиаса уже давно раздражал шум, доносившийся с улицы; он поднялся и подошел к окну: какой-то водитель поносил мусорщиков.

– Не вешай трубку, – попросил Матиас и высунул голову наружу.

Он заорал водителю, что если уж тому плевать на окружающих, то он мог бы по крайней мере проявить уважение к тем, кто занят тяжелой работой. Водитель из-за опущенного стекла выдал новую порцию ругани. В конце концов мусорщик отъехал к обочине, и машина, скрежеща шинами, рванулась прочь.

– Что случилось? – спросил Антуан.

– Ничего! Так что ты там говорил о Лондоне?

2

Лондон, несколько месяцев спустя

Весна объявилась вовремя. И если солнце в эти первые апрельские дни еще пряталось за тучами, то наступившее тепло не оставляло сомнений в том, что новое время года не за горами. В районе Южного Кенсингтона царило бурное

оживление. Прилавки зеленщиков ломились от аппетитно разложенных фруктов и овощей, цветочный магазин Софи предлагал выбор на любой вкус, а ресторанчик Ивонны готовился открыть летнюю террасу. На Антуана навалилась куча работы. Сегодня ему пришлось перенести пару встреч, чтобы лично проследить за тем, как идут отделочные работы в симпатичном маленьком книжном магазине на углу Бьют-стрит.

Витрины «Французского книжного» были занавешены целлофаном, предохранявшим их от брызг краски, и маляры уже клали последние мазки. Антуан нервно взглянул на часы и повернулся к своему сотруднику:

– К вечеру они точно не закончат!

В магазин зашла Софи.

– Я загляну попозже, чтобы поставить букет; цветы краску не любят.

– Судя по тому, как продвигается дело, можешь заглянуть завтра, – заметил Антуан.

Софи подошла к нему.

– Он обалдеет от радости. И ничего страшного, если где-то останутся стремянка и пара банок шпаклевки.

– Нет, нужно все довести до конца, только тогда будет красиво.

– Зануда! Ладно, сейчас закрою магазин и приду помогать. В котором часу он приедет?

– Понятия не имею. Ты ж его знаешь, он уже четыре раза менял билеты.

***

Устроившись на заднем сиденье такси, с чемоданом в ногах и свертком под мышкой, Матиас безуспешно пытался понять, о чем толкует шофер. Из

вежливости он отвечал наугад то «да», то «нет», пытаясь определить правильность ответа по взгляду водителя в зеркальце. Пускаясь в путь, он записал адрес конечного пункта на обратной стороне железнодорожного билета и вот теперь вручил все сведения этому человеку, внушавшему полное доверие. Однако языковой барьер преодолевать становилось все труднее, а расположенный не с той стороны руль сбивал с толку.

Солнце пробивалось сквозь облака, и его лучи отражались в Темзе, превращая ее волны в длинную серебристую ленту. Переезжая через Вестминстерский мост, Матиас заметил на другом берегу очертания аббатства. На тротуаре молодая женщина, прислонившись к парапету, наговаривала текст, глядя в камеру.

– Более четырехсот тысяч наших соотечественников пересекли Ла-Манш, чтобы обосноваться в Англии.

Такси миновало журналистку и устремилось в самое сердце города.

***

Стоя за прилавком, пожилой английский господин складывал листы бумаги в старую кожаную папку, покрывшуюся за долгие годы верной службы мелкими трещинками. Он огляделся вокруг, глубоко вздохнул и вернулся к своему занятию. Незаметным движением включил механизм, открывающий кассовый аппарат, и прислушался к тонкому перезвону маленьких колокольчиков, звучавших, когда выщелкивалась коробочка с деньгами.

– Господи, как мне будет не хватать этого звука, – произнес он.

Его рука скользнула под старинный агрегат, высвобождая пружину, которая удерживала ящик-кассу. Он поставил ящик на табурет рядом с собой. Наклонился, чтобы достать из углубления маленькую книжку в алой выцветшей обложке. Имя автора было Г. Вудхауз. Пожилой английский господин, известный как Джон Гловер, поднес книгу к лицу, вдохнул запах и крепко прижал ее к себе. Перелистал несколько страниц с осторожностью, граничащей с нежностью. Потом пристроил книгу на видное место на единственном стеллаже, не завешенном целлофаном, и вернулся к себе за прилавок. Закрыл кожаную папку

и стал ждать, скрестив руки на груди.

– Все хорошо, господин Гловер? – спросил Антуан, поглядывая на часы.

– Требовать лучшего было бы нахальством, – отвечал старый книготорговец.

– Он скоро будет.

– Когда в моем возрасте откладывается неизбежная встреча – это доброе известие, – сдержанно заметил Гловер.

У тротуара остановилось такси. Дверь книжного магазина распахнулась, и Матиас бросился в объятия друга. Антуан кашлянул и глазами указал на пожилого господина, который ожидал в глубине магазина, шагах в десяти от них.

– Ага, теперь я вижу, какой смысл ты вкладываешь в слово «маленький», – прошептал Матиас, оглядываясь вокруг.

Старый книготорговец выпрямился и протянул Матиасу руку.

– Господин Попино, полагаю? – произнес он на почти безупречном французском.

– Зовите меня Матиас.

– Очень рад видеть вас здесь, господин Попино. Возможно, поначалу вам будет немного сложно во всем разобраться, помещение кажется тесноватым, но душа этого магазинчика необъятна.

– Господин Гловер, меня зовут вовсе не Попино.

Джон Гловер протянул Матиасу старую папку и раскрыл ее.

– В центральном отделении вы найдете все документы, подписанные нотариусом. Осторожней с молнией, после своего семидесятилетнего юбилея она сделалась на удивление капризной.

Матиас принял папку и поблагодарил хозяина.

– Господин Попино, могу ли я попросить вас об одном одолжении, совсем незначительном, но мне оно доставило бы огромную радость?

– С удовольствием, господин Гловер, – замявшись, ответил Матиас, – но, извините за настойчивость, моя фамилия не Попино.

– Как вам будет угодно, – приветливо отозвался книготорговец. – Не могли бы вы спросить меня, вдруг, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, на моих полках найдется экземпляр книги «Этот неподражаемый Дживс!».

Матиас повернулся к Антуану, пытаясь обнаружить в глазах друга хоть тень объяснения. Антуан только пожал плечами. Матиас кашлянул и с самым серьезным видом обратился к Джону Гловеру:

– Господин Гловер, скажите, не найдется ли у вас по какому-то невероятному стечению обстоятельств книги под названием «Этот неподражаемый Дживс!»?

Книготорговец решительным шагом направился к единственному открытому стеллажу, взял единственную лежащую там книгу и гордо протянул ее Матиасу:

– Как видите, цена, указанная на обложке, составляет полкроны. Увы, на сегодняшний день эта монета вышла из обращения, и, дабы мы могли провести нашу коммерческую операцию так, как это принято между джентльменами, я подсчитал, что сумма в пятьдесят центов на сегодняшний день идеально соответствует исходной, – разумеется, если вы не имеете ничего против!

Растерявшийся Матиас принял предложение, Гловер передал ему книгу, Антуан выручил друга, одолжив ему пятьдесят центов, и книготорговец решил, что пора ознакомить нового управляющего с его местом работы.

Хотя книжный магазин занимал не больше шестидесяти двух квадратных метров – разумеется, вместе с книжными полками и крошечной задней комнатой, – осмотр длился добрых полчаса. На протяжении этого времени Антуан должен был подсказывать своему лучшему другу ответы на вопросы, которые время от времени задавал ему мистер Гловер, переходя иногда с французского на свой

родной английский. Продемонстрировав, как прекрасно работает кассовый аппарат, а главное, как открыть ящик-кассу, когда пружина начинает шалить, старый книготорговец попросил Матиаса проводить его – дескать, традиция! – и Матиас охотно исполнил эту просьбу.

Уже на пороге и более не скрывая волнения – один раз можно себе такое позволить, – мистер Гловер обнял Матиаса и прижал его к груди.

– Я провел в этом месте всю жизнь.

– Я буду о нем заботиться, даю вам честное слово, – торжественно и искренне ответил Матиас.

Старый книготорговец приблизил губы к его уху:

– Мне только исполнилось двадцать пять, и я даже не мог отпраздновать эту дату, поскольку моего отца посетила прискорбная мысль умереть именно в день моего рождения. Должен вам признаться, его чувство юмора всегда было выше моего понимания. Назавтра я должен был взять на себя заботы о его книжном магазине, в то время он был английским. Книга, которую вы держите в руках, была первой, которую я продал. На наших стеллажах имелось два ее экземпляра. Этот я сохранил, поклявшись, что расстанусь с ним только в последний день моего пребывания здесь. Как я любил эту работу! Жить среди книг, проводить каждый день бок о бок с персонажами, обитающими на их страницах… Берегите их.

Господин Гловер бросил прощальный взгляд на книжку в красной обложке, которую Матиас держал в руках, и улыбнулся:

– Уверен, что Дживс приглядит за вами.

Он откланялся и удалился.

– Что он тебе сказал? – поинтересовался Антуан.

– Ничего, – ответил Матиас, – можешь минутку присмотреть за магазином?

Не дожидаясь ответа, Матиас выбежал вслед за господином Гловером. Он догнал старого книготорговца в конце Бьют-стрит.

– Чем могу вам служить? – осведомился тот.

– Почему вы называли меня Попино?

Гловер ласково взглянул на Матиаса.

– Вам следовало бы как можно скорее обзавестись привычкой никогда не выходить без зонтика в это время года. Погода у нас вовсе не такая суровая, как принято думать, но случается, что дождик в этом городе идет без предупреждения.

Господин Гловер раскрыл свой зонтик и направился прочь.

– Мне хотелось бы поближе с вами познакомиться, месье Гловер. Я горжусь тем, что стал вашим преемником! – прокричал Матиас.

Человек с зонтом обернулся и ответил своему собеседнику улыбкой:

– Если возникнут какие-либо проблемы, вы найдете в глубине ящика-кассы номер телефона загородного домика в Кенте, куда я переезжаю.

Элегантный силуэт старого книготорговца исчез за углом. Пошел дождь, Матиас поднял глаза на затянутое тучами небо. Услышал за спиной шаги Антуана.

– Что ты от него хотел? – спросил тот.

– Ничего, – отмахнулся Матиас, забирая из его рук зонтик.

Матиас вернулся в свой магазин, Антуан – в свое бюро. По окончании рабочего дня друзья встретились у ворот школы.

***

Сидя у подножия огромного дерева, тени которого хватало на весь школьный двор, Антуан и Матиас дожидались звона колокольчика, означающего конец уроков.

– Валентина попросила меня забрать Эмили, ей пришлось вернуться в консульство, – сказал Антуан.

– Интересно, почему моя бывшая жена звонит моему лучшему другу, чтобы попросить забрать из школы мою дочь?

– Потому что никто не знал, в котором часу ты приедешь.

– Она часто опаздывает, когда нужно забирать Эмили?

– Вспомни, что в те времена, когда вы жили вместе, ты никогда не возвращался домой раньше восьми часов!

– Ты чей лучший друг – мой или ее?

– Ну-ну… я уже задаюсь вопросом, не тебя ли я должен забрать из школы.

Но Матиас больше не слушал Антуана. Из глубины школьного двора маленькая девочка улыбалась ему самой прекрасной в мире улыбкой. С бьющимся сердцем он вскочил на ноги, и такая же улыбка расплылась на его лице. Глядя на них, Антуан отметил про себя, что только сама жизнь могла изобрести столь трогательное сходство.

– Это правда, что ты останешься? – спросила малышка, едва не задушенная поцелуями.

– Разве я когда-нибудь врал тебе?

– Нет, но все когда-нибудь случается впервые.

– А ты уверена, что не привираешь насчет своего возраста?

Антуан и Луи оставили их вдвоем. Эмили повела отца гулять, показывая ему свой квартал. Когда они появились рука об руку в ресторане Ивонны, Валентина ждала их, сидя за стойкой. Матиас подошел к ней и поцеловал в щеку, пока Эмили устраивалась за столиком, где обычно делала домашние задания.

– Ты нервничаешь? – спросил Матиас, устраиваясь на соседнем табурете.

– Нет, – ответила Валентина.

– Неправда, я же вижу – у тебя напряженное лицо.

– У меня был нормальный вид, пока ты не спросил, но, если хочешь, я начну нервничать.

– Видишь, ты действительно напряжена.

– Эмили мечтала переночевать сегодня у тебя.

– У меня даже не было времени глянуть, на что похожа моя квартира. Мебель привезут только завтра.

– Ты что, не видел собственную квартиру до того, как переезжать?

– Времени не было, все получилось так быстро. Мне нужно было кучу дел уладить в Париже перед тем, как перебраться сюда. Почему ты улыбаешься?

– Просто так, – ответила Валентина.

– Я люблю, когда ты улыбаешься, как сейчас, просто так.

Валентина нахмурилась.

– Обожаю, когда у тебя так движутся губы.

– Хватит, – мягко остановила его Валентина. – Помочь тебе устроиться?

– Не надо, сам разберусь. Хочешь, пообедаем завтра вместе? Ну, если у тебя есть время.

Валентина глубоко вздохнула и попросила у Ивонны «дьяболо» с клубникой.

– Хорошо, пусть ты не нервничаешь, но ты явно чем-то огорчена. Это связано с моим переездом в Лондон? – гнул свое Матиас.

– Вовсе нет, – возразила Валентина, коснувшись рукой его щеки. – Наоборот.

Матиас просиял.

– Почему наоборот? – спросил он хриплым голосом.

– Я должна кое-что тебе сказать, – прошептала Валентина. – Но Эмили этого еще не знает.

Встревожившись, Матиас подвинул ближе свой табурет.

– Я возвращаюсь в Париж, Матиас. Консул недавно предложил мне возглавить отдел. Уже в третий раз мне предлагают ответственный пост в здании на набережной Орсе. До сих пор я отказывалась, потому что не хотела, чтобы Эмили меняла школу. Она уже привыкла к жизни здесь, и Луи ей стал почти братом. Она и так думает, будто я лишила ее отца, и я не хочу, чтобы она упрекала меня еще и в том, что потеряла друзей. Если бы ты сюда не переехал, я, возможно, опять бы отказалась, но теперь ты здесь, и все уладится.

– Ты дала согласие?

– Нельзя же четыре раза подряд отказываться от повышения.

– Получилось бы всего три раза, если я правильно подсчитал! – возразил Матиас.

– Я думала, ты поймешь, – спокойно сказала Валентина.

– Я понял: я приехал, а ты уезжаешь.

– Ты же осуществишь свою мечту, будешь жить с дочерью, – проговорила Валентина, глядя на Эмили, которая что-то рисовала в тетрадке. – Мне ее будет ужасно не хватать.

– А что об этом подумает твоя дочь?

– Она любит тебя больше всех на свете, и потом, поочередная опека – это не обязательно неделя ты, неделя я.

– Ты хочешь сказать, что лучше три года ты, три года я?

– Мы просто поменяемся ролями, и теперь ты мне будешь присылать ее на каникулы.

Из кухни появилась Ивонна.

– Эй, парочка, у вас все в порядке? – спросила она, ставя перед Валентиной стакан клубничного «дьяболо».

– Все просто потрясающе, – в тон ей ответил Матиас.

Ивонна задумчиво оглядела каждого по очереди и вернулась на кухню к своей плите.

– Вы же будете счастливы вдвоем, разве нет? – заметила Валентина, потягивая через соломинку свой коктейль.

Матиас теребил в пальцах щепку, отколовшуюся от деревянной стойки.

– Если бы ты сказала мне об этом месяц назад, мы могли бы быть счастливы втроем… в Париже!

– Так что, ты согласен? – осторожно спросила Валентина.

– Просто потрясающе! – проворчал Матиас, отдирая еще одну щепку. – Я уже влюбился в этот квартал. И когда ты собираешься сообщить об этом дочери?

– Сегодня вечером.

– Потрясающе! А когда уезжаешь?

– В конце недели.

– Потрясающе!

Валентина приложила ладонь к губам Матиаса.

– Все будет хорошо, вот увидишь.

Антуан зашел в ресторан и сразу заметил искаженное лицо друга.

– Все в порядке? – спросил он.

– Потрясающе!

– Я вас оставлю, – сказала Валентина, слезая со своего табурета, – у меня еще куча дел. Идем, Эмили?

Девочка поднялась, поцеловала отца, потом Антуана и пошла за матерью. Дверь ресторана закрылась за ними.

Антуан и Матиас сидели рядышком. Ивонна нарушила тишину, поставив на стойку бокал с коньяком.

– Ну-ка, выпей это, для поддержания духа… отлично.

Матиас поочередно посмотрел на Антуана и Ивонну.

– Как давно вы в курсе?

Ивонна извинилась и заторопилась на кухню – дел полно.

– Всего несколько дней, – признался Антуан, – и не надо на меня так смотреть, не я же должен был тебе это сообщать… да и все было не точно…

– А теперь точно! – заявил Матиас и одним махом допил коньяк.

– Хочешь, я покажу тебе твой новый дом?

– Полагаю, на данный момент там особо смотреть не на что, – заметил Матиас.

– Пока не пришла твоя мебель, я поставил в спальню раскладушку. Заходи к нам ужинать по-соседски, Луи будет счастлив.

– Пусть переночует у меня, – заявила Ивонна, прерывая их беседу, – я сто лет его не видела, и нам есть о чем поболтать. Ступай, Антуан, тебя вон сын заждался.

Антуан замялся, не решаясь оставить друга, но Ивонна состроила ему страшные глаза, и он наконец решился, прошептав Матиасу на ухо, что все будет…

– …потрясающе! – заключил тот.

Проходя с сыном по Бьют-стрит, Антуан постучал в витрину Софи. Через несколько секунд она вышла к ним.

– Хочешь поужинать с нами дома? – спросил Антуан.

– Нет, я тебя обожаю, но мне еще надо закончить дела в магазине.

– Давай помогу?

Луи пихнул отца локтем, и это не ускользнуло от внимания молодой цветочницы. Она потрепала мальчика по голове.

– Бегите, уже поздно, и я знаю кое-кого, кому намного больше хочется посмотреть мультики, чем играть в цветочника.

Софи подошла поцеловать Антуана, и он тихонько сунул ей в руку письмо.

– Я вставил все, что ты просила, тебе осталось только переписать.

– Спасибо, Антуан.

– Ты когда-нибудь познакомишь нас с этим парнем, которому я пишу?

– Как-нибудь, обязательно!

Когда они дошли до конца улицы, Луи дернул отца за руку:

– Послушай, папа, если тебе скучно ужинать со мной вдвоем, ты можешь просто об этом сказать!

И поскольку сын прибавил шагу, чтобы отойти от него подальше, Антуан окликнул:

– Я приготовил нам ужин, который ты должен оценить: биточки по-домашнему и шоколадное суфле. И все это состряпал твой папа.

– Конечно, конечно… – ворчливо пробормотал Луи, залезая в их «остин».

– Знаешь, у тебя действительно паршивый характер, – заметил Антуан, пристегивая его ремнем безопасности.

– Весь в тебя!

– И в маму немного тоже, не воображай…

– Мама прислала мне мейл вчера вечером, – сообщил Луи, пока машина катилась по Олд-Бромптон-роуд.

– У нее все хорошо?

– Судя по тому, что она пишет, это у людей, которые вокруг нее, все неважно. Она сейчас в Дарфуре. Это где именно, папа?

– По-прежнему в Африке.

***

Софи подобрала листья, которые смела со старинных каменных плиток пола. Поправила букет палевых роз в большой вазе на витрине магазина, навела порядок среди подвешенных над прилавком кашпо из плетеной рафии. Потом сняла белый халатик и повесила его на кованую вешалку. Из кармана высовывались три листка бумаги. Она достала письмо, написанное Антуаном, уселась на табуретку у кассы и принялась переписывать первые строчки.

***

Несколько клиентов заканчивали в зале свой ужин. Матиас ел в одиночестве у стойки. Ресторан закрывался, Ивонна приготовила себе кофе и уселась на табурет рядом с ним.

– Вкусно было? И если ты скажешь «потрясающе», то схлопочешь.

– Тебе знаком некий Попино?

– Никогда о нем не слышала, а что?

– Да просто так, – сказал Матиас, постукивая пальцами по стойке. – А Гловера ты знала?

– Его в нашем квартале знали все. Скромный и элегантный мужчина, борец с конформизмом. Был совершенно влюблен в французскую литературу, не знаю уж, какая муха его укусила.

– Может, женщина?

– Сколько я его видела, он всегда был один, – довольно сухо ответила Ивонна, – и ты меня знаешь, я не задаю лишних вопросов.

– Тогда откуда ты берешь ответы на все вопросы?

– Слушаю больше, чем говорю.

Ивонна прикрыла своей рукой пальцы Матиаса и ласково их пожала.

– Ты обживешься здесь, не волнуйся.

– Ты слишком оптимистично настроена. Стоит мне сказать два слова по-английски, как моя дочь загибается от хохота!

– Уверяю тебя, в этом квартале никто не говорит по-английски!

– Значит, ты знала про Валентину? – спросил Матиас, допивая последние капли вина из своего бокала.

– Ты же приехал ради дочери! Ведь в твои расчеты не входило вновь сойтись с Валентиной, обосновавшись здесь?

– Когда любят, не рассчитывают, ты мне это сто раз говорила.

– Ты так и не оправился, а?

– Не знаю, Ивонна, мне ее часто не хватает, вот и все.

– Тогда почему ты ей изменил?

– Это было давно, я сделал глупость.

– Что верно, то верно, но за такие глупости расплачиваются всю жизнь. Воспользуйся этой лондонской историей, чтобы перевернуть страницу. Ты у нас красавчик; будь я лет на тридцать помоложе, уж я бы постаралась тебя подцепить. Если счастье улыбнется тебе, не отворачивайся.

– Не уверен, что это твое счастье знает мой новый адрес…

– Сколько встреч ты упустил за последние три года, потому что твоя любовь одной ногой стояла в сегодняшнем дне, а другой – во вчерашнем?

– Что ты можешь об этом знать?

– Я не жду ответа на мой вопрос, я только прошу тебя подумать об этом. А что до того, могу ли я об этом знать, то, как уже было сказано, я прожила на тридцать лет больше. Хочешь кофе?

– Нет, уже поздно, пойду спать.

– Дорогу найдешь? – спросила Ивонна.

– Тот же дом, где живет Антуан, я там уже не раз бывал.

Матиас настоял на том, что заплатит по счету, собрал свои вещи, попрощался с Ивонной и вышел на улицу.

***

Ночь незаметно окутала витрину магазина. Софи сложила письмо, открыла шкафчик под кассой и поместила его в пробковую коробочку поверх пачки писем, написанных Антуаном. Потом бросила черновик только что переписанного письма в большой черный пластиковый пакет с опавшими листьями и срезанными стеблями. Выходя из магазина, она выставила его на тротуар, рядом с другим мусором.

***

По небу плыли перистые облака. Матиас с чемоданом в руке и свертком под мышкой спускался пешком по Олд-Бромптон-роуд. На секунду он остановился, засомневавшись, не проскочил ли нужный поворот.

– Потрясающе! – пробормотал он, снова пускаясь в путь.

На перекрестке он увидел знакомую витрину агентства недвижимости и повернул на Клервил-роуд. По обеим сторонам переулка тянулись разноцветные дома. Над тротуаром ветер раскачивал ветки миндальных и вишневых деревьев. В Лондоне деревья растут беспорядочно, как им бог на душу положит, и пешеходам то и дело приходится выходить на проезжую часть, чтобы обогнуть величественную ветвь, преградившую дорогу.

Его шаги гулко звучали в тишине невозмутимой ночи. Он остановился перед домом номер 4.

В начале прошлого века дом был разделен на две неравные части, но сохранил свое очарование. Фасад из красного кирпича украшала густая поросль глициний, которые добирались до самой крыши. Несколько ступенек вели к крыльцу с двумя входными дверями, по одной на соседа. Четыре окна открывали доступ дневному свету, одно – в меньшую квартиру, где еще неделю назад обитал мистер Гловер, а три других – в бо?льшую, где жил Антуан.

***

Антуан посмотрел на часы и выключил свет на кухне. Старый деревенский стол из светлого дерева отделял ее от гостиной, где стояли два дивана, обтянутые суровым полотном, и низкий столик.

Чуть подальше, за стеклянной ширмой, Антуан устроил себе рабочий уголок, который делил с Луи, когда тому нужно было готовить уроки, и куда Луи часто забирался тайком, чтобы поиграть на отцовском компьютере. Весь первый этаж с другой стороны выходил в сад.

Антуан поднялся по лестнице, зашел в комнату сына – тот давно уже спал. Он поправил сползшее одеяло, ласковым поцелуем коснулся лба, ткнулся носом в изгиб шеи, чтобы ощутить запах детства, и вышел из комнаты, тихонько притворив за собой дверь.

***

Окна Антуана только-только погасли, когда Матиас поднялся на крыльцо, вставил ключ в замочную скважину своей двери и вошел к себе.

На его половине первый этаж был совершенно пуст. Подвешенная к потолку на скрученном шнуре электрическая лампочка легонько покачивалась, испуская унылый свет. Он положил свой сверток на пол и поднялся по лестнице, чтобы осмотреть второй этаж. Двери двух спален вели в общую ванную. Он бросил чемодан на раскладушку, принесенную Антуаном. На ящике, игравшем роль ночного столика, лежала записка от друга, который приветствовал его в новом жилище. Он подошел к окну; внизу узкой лентой газона на несколько метров расстилалась его часть сада. По оконному переплету потекли капли дождя. Матиас смял в кулаке записку Антуана и бросил на пол.

Ступеньки лестницы вновь заскрипели под его ногами, он забрал сверток у входа, вышел и двинулся по улице в обратном направлении. За его спиной на окнах Антуана опустились шторы.

Вернувшись на Бьют-стрит, Матиас приоткрыл дверь в книжный магазин; внутри еще чувствовался запах краски. Он принялся снимать один за другим чехлы, которыми были закрыты стеллажи. Конечно, помещение было небольшим, зато полки занимали все пространство до высоких потолков. Матиас заметил старинную стремянку, которая перемещалась по медным рельсам. Страдая с детства неизлечимыми сильными головокружениями, Матиас принял решение, что все книги, до которых нельзя дотянуться рукой, то есть те, что стоят выше третьей перекладины, будут предназначены не для продажи, а для украшения интерьера. Он вышел наружу и опустился на тротуаре на колени, чтобы распаковать свой сверток. Посмотрел на эмалевую табличку, появившуюся из-под бумаги, и потрогал пальцем надпись «Французские книги». Размер таблички идеально подходил к входной двери. Он вытащил из кармана четыре длинных шурупа, таких же старых, как и сама табличка, и раскрыл швейцарский складной нож. На его плечо легла рука.

– Погоди, – сказал Антуан, протягивая ему отвертку. – Эта побольше.

И пока Антуан держал табличку, Матиас изо всех сил налегал на рукоятку отвертки, заставляя шурупы вгрызаться в дерево.

– У моего деда была книжная лавка в Смирне. В тот день, когда город сгорел, он смог унести с собой только эту табличку. Когда я был маленьким, он иногда доставал ее из ящика буфета, клал на обеденный стол и рассказывал мне, как встретил бабушку, как влюбился в нее и как, несмотря на войну, никогда не переставал любить ее. Я так и не увидел бабушку, она не вернулась из лагерей.

Когда табличка заняла свое место, два друга присели на пороге магазина. Под бледными лучами фонаря с Бьют-стрит каждый слушал молчание другого.

3

Солнце заливало весь нижний этаж дома. Антуан достал из холодильника молоко, налил в тарелку с мюсли и поставил перед Луи.

– Не наливай слишком много, пап, а то они совсем размокнут, – заныл Луи, отодвигая отцовскую руку.

– Это еще не причина, чтобы проливать молоко на стол! – возразил Антуан, хватаясь за губку, лежащую на бортике раковины.

В дверь забарабанили, Антуан прошел через гостиную. Едва дверь приотворилась, решительным шагом вошел Матиас в пижаме.

– У тебя кофе есть?

– Доброе утро!

– Доброе утро, – ответил Матиас, усаживаясь рядом с Луи.

Мальчик утонул носом в своей тарелке.

– Хорошо спал? – поинтересовался Антуан.

– Мой левый бок отлично выспался, а правому не хватило места.

Матиас взял хлеб из корзиночки и щедро намазал его маслом и джемом.

– Что привело тебя сюда в столь ранний час? – осведомился Антуан, ставя перед другом чашку с кофе.

– Ты заставил меня иммигрировать в Соединенное Королевство или в королевство Гулливера?

– Что случилось?

– Случилось, что в кухню проник луч солнца и вдвоем нам стало тесно, поэтому я пришел завтракать к тебе! Мед есть?

– У тебя перед носом!

– На самом деле, мне кажется, я понял, – продолжил Матиас, вгрызаясь в бутерброд. – Здесь километры превращаются в мили, Цельсий в Фаренгейта, а «маленькое» оборачивается «крошечным».

– Я два-три раза заходил на чай к соседу, и квартира показалась мне уютной!

– Никакая она не уютная, а крошечная!

Луи вылез из-за стола и отправился в свою комнату за ранцем. Через минуту он спустился обратно.

– Я отвезу сына в школу, если ты не возражаешь. Ты не идешь в магазин?

– Я жду грузовик с вещами.

– Тебе помочь?

– Да нет, это займет пару секунд: всего-то выгрузить два стула и пуфик, и моя хибарка будет забита под завязку!

– Как хочешь! – сухо отозвался Антуан. – Захлопни дверь, когда будешь уходить.

Матиас догнал его, когда он уже вышел на крыльцо к Луи.

– У тебя есть где-нибудь чистые полотенца? Я приму душ здесь, в моем можно стоять только на одной ноге.

– Ты меня достал! – огрызнулся Антуан, выходя из дома.

Луи забрался в «остин» на пассажирское место и сам пристегнул ремень безопасности.

– Он действительно достал меня, – проворчал Антуан, выезжая на улицу задним ходом.

Грузовик с надписью «Перевозки Делахью» разворачивался, пытаясь припарковаться рядом с его домом.

***

Десять минут спустя Матиас позвонил Антуану, призывая его на помощь. Он хорошенько захлопнул дверь, как тот его и просил, но его собственные ключи остались лежать на обеденном столе. Ребята из службы перевозки ждали перед домом, а он стоял в пижаме посреди улицы. Антуан высадил Луи у школы и тут же повернул обратно.

Представителю компании «Перевозки Делахью» удалось убедить Матиаса дать его бригаде спокойно работать; размахивая руками и суетясь между грузчиками, он только их задерживал. Представитель пообещал, что, когда Матиас вечером вернется домой, все будет стоять на местах.

Антуан подождал, пока Матиас примет душ; когда он наконец был готов, они отбыли вместе в старом кабриолете.

– Я подвезу тебя и сразу уеду; я и так уже здорово опоздал, – предупредил Антуан, сворачивая с Клервил-гроув.

– Ты едешь к себе в бюро? – спросил Матиас.

– Нет, мне нужно заехать на стройку.

– Тогда нет смысла сворачивать к магазину, все равно там слишком воняет краской. Я поеду с тобой.

– Ладно, возьму тебя с собой, только веди себя прилично.

– Зачем ты это говоришь?

«Остин» устремился по Олд-Бромптон.

– Тише ты! – заорал Матиас.

Антуан сердито покосился на него.

– Не так быстро! – продолжал настаивать Матиас.

Антуан воспользовался остановкой на красный свет и наклонился, чтобы взять портфель, лежащий в ногах у Матиаса.

– Может, хватит за меня тормозить? – осведомился он, выпрямляясь.

– Зачем ты положил это мне на колени? – спросил Матиас.

– Открой и посмотри, что там лежит.

Матиас с недоуменным видом вытащил какой-то документ.

– Разверни его!

Едва машина тронулась, архитектурный чертеж облепил лицо Матиаса, который тщетно пытался содрать его с себя на протяжении всего оставшегося пути. Наконец Антуан припарковался у края тротуара перед портиком из тесаного камня. Кованая чугунная решетка отгораживала тупик. Он забрал свой чертеж и

вылез из «остина».

По обе стороны извилистой дорожки бывшие конюшни были переоборудованы в маленькие коттеджи. Раскрашенные фасады сплошь заросли вьющимися розами. Волнистые крыши были выложены деревянной черепицей или шифером. В глубине переулка одно здание возвышалось над остальными. Несколько ступенек вели к массивной дубовой двери. Антуан поднялся к входу и поторопил друга, который тащился сзади.

– Надеюсь, крыс там нет? – подходя, спросил Матиас.

– Заходи!

Матиас увидел огромное пространство, залитое светом из больших окон, где трудились несколько рабочих. Расположенная в центре лестница вела на второй этаж. Высокий мужчина с непринужденным видом подошел к ним, держа в руке чертеж.

– Все ждут вас!

Шотландец по отцу, нормандец по матери, чуть старше тридцати, Маккензи говорил по-французски с легким акцентом, не оставлявшим сомнений в его смешанном происхождении. Указав на мезонин, он спросил Антуана:

– Ну, вы приняли решение?

– Еще нет, – ответил тот.

– Я никак не успею получить саноборудование вовремя. Мне нужно сделать заказ самое позднее сегодня вечером.

Матиас подошел к ним.

– Извините, – рассерженно бросил он. – Ты заставил меня проехать через весь Лондон, чтобы я помог тебе решить проблему с сортирами?

– Помолчи минутку! – оборвал его Антуан и снова повернулся к инженеру: – Ваши поставщики у меня уже в печенках, Маккензи!

– У меня они тоже в печенках, эти ваши поставщики, – заявил Матиас, зевая.

Антуан полоснул друга взглядом, Матиас расхохотался.

– Ладно, я возьму твою машину, а ты попросишь своего инженера подвезти тебя. Хорошо, Маккензи?

Антуан удержал Матиаса за рукав и притянул к себе:

– Мне нужно знать твое мнение – два или четыре?

– Сортира?

– Это бывший каретный сарай, который агентство купило в прошлом году. Я думаю, как лучше разделить его: на две квартиры или на четыре.

Матиас огляделся вокруг, задрал нос к мезонину, потом еще раз повернулся вокруг своей оси и уперся руками в бока.

– Одну!

– Ладно, бери машину.

– Ты меня спросил, я ответил!

Антуан оставил его и подошел к каменщикам, которые копошились у старинного камина, пытаясь его разобрать. Матиас еще раз оглядел помещение, вскарабкался на второй этаж, ознакомился с чертежом, вывешенным на стене, вернулся к балюстраде мезонина, широко раскинул руки и воскликнул громовым голосом:

– Одна квартира, два сортира, и все счастливы!

Изумленные рабочие задрали головы, а бедный Антуан в отчаянии схватился руками за свою собственную.

– Матиас, я работаю! – заорал он.

– И я тоже работаю!

Перескакивая через ступеньки, Антуан взбежал наверх к Матиасу:

– Что ты здесь устраиваешь?

– У меня идея! Внизу ты делаешь нам один большой зал, а здесь разделим этаж на две части… по вертикали, – добавил Матиас, проводя руками воображаемую разделительную полосу.

– По вертикали? – устало переспросил Антуан.

– Еще с тех пор, когда мы под стол пешком ходили, сколько раз мы мечтали жить под одной крышей; ты сейчас холост, я тоже, вот тебе случай – лучше не придумаешь.

Матиас раскинул руки крестом, снова изображая «раздел по вертикали».

– Мы давно уже вылезли из-под того стола! А если кто-то из нас придет домой с женщиной, как мы ее разделим? – смеясь, прошептал Антуан.

– Ну и что, если кто-то из нас вернется с женщиной, он вернется… куда-нибудь в другое место!

– Хочешь сказать, никаких женщин в доме?

– Вот именно! – заявил Матиас, чуть шире разводя руки. – Посмотри! – добавил он, размахивая чертежом. – Я, конечно, не архитектор, но даже я могу представить, какое райское местечко можно из этого сотворить.

– Ладно, витай в своем раю, а у меня еще куча дел! – прервал его Антуан, выхватывая чертеж.

Спускаясь обратно, Антуан сочувственно обернулся к Матиасу:

– Постарайся переварить свой развод раз и навсегда, а мне дай спокойно работать.

Матиас подбежал к балюстраде, чтобы окликнуть Антуана, который уже о чем-то заговорил с Маккензи.

– Вы с твоей женой когда-нибудь понимали друг друга так хорошо, как мы с тобой последние пятнадцать лет? А разве наши дети не счастливы, когда мы все вместе уезжаем на каникулы? Ты же сам прекрасно знаешь, что все у нас получится! – убеждал Матиас.

Ошеломленные рабочие застыли, бросив свои дела, пока шел этот разговор. Один принялся подметать, другой углубился в техническую документацию, третий протирал инструменты.

Разъяренный Антуан оставил своего инженера и выскочил из здания в тупичок. Матиас скатился по лестнице, добродушно подмигнул Маккензи и присоединился к другу, который уже сидел в машине.

– Не понимаю, с чего ты завелся? Мне кажется, это прекрасная мысль. Ну конечно, тебе-то что, это ведь не ты переехал в стенной шкаф.

– Залезай, или я оставлю тебя здесь, – рявкнул Антуан, распахивая дверцу.

Маккензи несся за ними, размахивая руками. Запыхавшись, он спросил, не могли бы они прихватить его с собой, а то у него тьма работы в бюро. Матиас вылез из машины, чтобы инженер мог забраться внутрь. Несмотря на свой рост, Маккензи сумел как-то разместиться на жалком подобии заднего сиденья, и «остин» устремился в лабиринт лондонских улиц.

С того момента, как они выехали из тупичка, Антуан не сказал ни слова. «Остин» припарковался на Бьют-стрит перед «Французскими книгами». Матиас наклонил

переднее сиденье, чтобы выпустить Маккензи, но тот, задумавшись, не тронулся с места.

– Вообще-то, – пробормотал Маккензи, – если вы будете жить вместе, мою команду это устроит.

– До вечера, дорогой! – бросил развеселившийся Матиас, удаляясь.

Антуан тут же догнал его:

– Немедленно забудь все это. Мы и так уже соседи, куда дальше, верно?

– Но каждый живет у себя, это же совсем не то!

– Да что на тебя нашло? – озабоченно поинтересовался Антуан.

– Проблема не в том, что ты холостяк, проблема – как жить одному.

– Но в этом и заключается принцип холостяцкой жизни. И потом, мы живем не одни, с нами наши дети.

– Одни!

– Ты так и будешь повторять?

– Я хочу жить в доме, где смеются дети, хочу возвращаться после работы туда, где кипит жизнь, и не хочу больше тоскливых воскресений, хочу уик-эндов со смеющимися детьми.

– Ты повторяешься!

– А что, тебе не нравится, когда они смеются два раза подряд?

– Тебе до такой степени одиноко? – спросил Антуан.

– Ладно, иди работай, а то Маккензи уже заснул в машине, – бросил Матиас, заходя в свой магазин.

Антуан прошел следом и преградил ему дорогу:

– А какой мой интерес в том, чтобы мы жили под одной крышей?

Матиас наклонился подобрать почту, которую курьер подсунул под дверь.

– Не знаю, может, научишь меня наконец готовить.

– Именно это я имел в виду, ты никогда не изменишься! – заключил Антуан, уходя.

– Наймем няню, и чем мы рискуем, кроме пары веселых минут?

– Я против нянь! – проворчал Антуан, направляясь к машине. – Я уже лишился его матери, не хватало только, чтобы в один прекрасный день и сын ушел от меня, потому что я им не занимался.

Он уселся за руль и включил зажигание. Рядом похрапывал Маккензи, уткнувшись носом в служебную записку. Скрестив руки на груди, Матиас окликнул Антуана с порога магазина.

– Ты куда, твое бюро напротив!

Антуан растолкал Маккензи и открыл дверцу:

– А вы-то что здесь делаете? Я думал, у вас тьма работы!

Из своего магазинчика Софи наблюдала за разыгравшейся сценой. Покачав головой, она вернулась в подсобку.

4

Матиаса очень порадовали посетители, побывавшие в этот день в магазине. Хотя поначалу, едва зайдя, каждый клиент удивлялся отсутствию мистера Гловера, все они тепло приняли Матиаса. А число продаж за день его просто удивило. За ранним ужином у стойки Ивонны Матиас уже с удовольствием размышлял о своем будущем во главе небольшого, но приятного бизнеса, который позволит ему в один прекрасный день отправить дочь учиться в Оксфорд, о чем он давно мечтал. Домой он вернулся пешком на закате. Фредерик Делахью отдал ему ключи, и грузовик исчез за углом.

Он сдержал слово. Грузчики поставили диван и низенький столик на первом этаже, кровати и ночные тумбочки в двух крошечных комнатах наверху. Платяные шкафы тоже были расставлены, посуда нашла свое место в кухоньке, устроенной под лестницей. Для этого потребовался настоящий талант, помещение и впрямь было слишком маленьким, не больше пятидесяти квадратных метров, и каждый квадратный сантиметр был теперь заполнен.

Прежде чем рухнуть на кровать, Матиас привел в порядок комнату дочери, почти совсем такую же, как та, где она проводила каникулы в Париже.

***

За стеной Антуан прикрыл за собой дверь комнаты Луи. История, которую он рассказывал сегодня вечером, взяла-таки верх над тысячью вопросов, которыми малыш непременно засыпал его, прежде чем отправиться в постель. И если отец радовался, что его мальчик заснул, то рассказчик, на цыпочках спускаясь по лестнице, мучился вопросом, на каком же месте сын перестал слушать, потому что именно с этого места предстояло начать повествование в следующий раз. Усевшись за обеденный стол, Антуан развернул чертеж бывшего каретного сарая и изменил несколько линий. Поздно ночью, прибрав на кухне, он отправил сообщение для Маккензи, назначив ему встречу на стройке завтра утром в десять часов.

***

Инженер прибыл вовремя. Антуан показал ему новый чертеж.

– Забудем на минутку про ваши проблемы с поставщиками, скажите мне честно, что вы об этом думаете, – попросил Антуан.

Его сотрудник немедленно вынес свой вердикт. Если превратить помещение в одно большое пространство, то работы задержатся на три месяца. Потребуется заново получать все разрешения, пересмотреть сметы, а арендная плата, окупающая работы на такой площади, будет чудовищно высокой.

– Что вы называете чудовищно высокой? – спросил Антуан.

Маккензи назвал цифру, которая заставила его подскочить.

Антуан сорвал кальку, на которой набросал возможные изменения первоначального проекта, и выбросил в контейнер со строительным мусором.

– Подвезти вас в бюро? – предложил он инженеру.

– У меня пока тут дела, я подъеду в бюро к обеду. Итак, две или четыре квартиры?

– Четыре! – решил Антуан, покидая стройку.

«Остин» выехал из тупичка. День был ясный, и Антуан решил проехать через Гайд-парк. На выезде из парка он в третий раз позволил светофору переключиться на красный, не пытаясь проскочить. Вереница машин за ним делалась все длиннее. Конный полицейский шагом двигался по аллее, которая шла вдоль дороги. Он остановился у кабриолета и оглядел Антуана, погруженного в свои мысли.

– Хороший денек, верно? – заметил полицейский.

– Великолепный! – откликнулся Антуан, бросив взгляд на небо.

Полицейский ткнул пальцем в светофор, загоревшийся оранжевым светом, и поинтересовался у Антуана:

– Эти цвета вам по чистой случайности ничего не напоминают?

Антуан глянул в зеркальце заднего вида и ужаснулся пробке, которую сам же создал. Он извинился, переключил скорость и рванул с места под насмешливым взором всадника, которому пришлось спешиться, чтобы регулировать поток машин.

– И зачем только я уговорил его перебраться сюда? – ворчал Антуан, поднимаясь по Куинз-Гейту.

Он припарковался у магазинчика Софи. Молодая цветочница в своем белом халате походила на биолога. Она воспользовалась хорошей погодой, чтобы привести в порядок витрину. Огромные букеты лилий, пионов, белых и алых роз, расставленные в ведрах вдоль тротуара, состязались в красоте.

– Ты чем-то огорчен? – спросила она, едва его завидев.

– У тебя много народа сегодня утром?

– Я первая задала тебе вопрос!

– Нет, я абсолютно ничем не огорчен, – брюзгливо ответил Антуан.

Софи развернулась и пошла в магазин; Антуан последовал за ней.

– Знаешь, Антуан, – сказала она, заходя за прилавок, – если тебе надоело писать эти письма, ничего, я как-нибудь и сама справлюсь.

– Да нет, это здесь ни при чем. Меня беспокоит Матиас, он устал жить один.

– Но он не будет больше один, ведь с ним будет Эмили.

– Он хочет, чтобы мы жили вместе.

– Шутишь?

– Он говорит, что это будет здорово для детей.

Софи отвернулась, чтобы Антуан не видел ее лица, и скрылась в задней комнате. У нее был самый замечательный смех в мире и самый заразительный.

– Ну конечно, что может быть нормальней для ваших детей, чем иметь двух пап, – заметила она, утирая слезы.

– Кто бы говорил, ведь всего месяца три назад ты заявляла мне, что готова родить от первого встречного.

На долю секунды Софи изменилась в лице.

– Спасибо, что напомнил, как меня одолело одиночество.

Антуан подошел к ней и взял за руку:

– Чтобы в городе, где семь с половиной миллионов жителей, такие люди, как ты и Матиас, оставались холостыми или незамужними, – вот это действительно ненормально.

– Матиас только-только приехал сюда… А ты сам случайно не холостяк?

– Плевать на меня, – пробормотал Антуан. – Я просто не понимал, до какой степени ему одиноко.

– Мы все одиноки, Антуан, – будь то здесь, в Париже, или еще где-то. Пытайся сколько угодно убежать от одиночества, переезжай, встречайся с людьми… это ничего не меняет. В конце дня каждый возвращается к себе. Те, у кого есть пара, не осознают, как им повезло. Они забыли о вечерах наедине с тарелкой, тоску наступающих уик-эндов, воскресные дни в ожидании, чтобы хоть кто-нибудь позвонил. Нас таких миллионы во всех столицах мира. Единственное утешение – что ты не один такой.

Антуан погладил волосы своей лучшей подруги. Она махнула рукой:

– Иди давай, работай, у меня еще дел полно.

– Придешь вечером?

– Не хочется, – ответила Софи.

– Я устраиваю этот ужин для Матиаса. Валентина уезжает в конце недели, ты должна прийти, я не хочу сидеть за столом один нос к носу с этой парочкой. И потом, я приготовлю твое любимое блюдо.

– Рожки с ветчиной? – улыбнулась Софи.

– В половине девятого!

– Дети ужинают с нами?

– Рассчитываю на тебя. – И Антуан ушел.

***

Сидя за кассой в книжном магазине, Матиас просматривал дневную почту. Несколько счетов, рекламные проспекты и письмо из школы с информацией о дате следующего родительского собрания. Один пакет был адресован мистеру Гловеру; Матиас нашарил клочок бумаги в глубине кассового ящика и переписал на конверт адрес его владельца в Кенте. Пообещал себе, что сам отправит письмо в обеденный перерыв.

Он позвонил Ивонне, чтобы зарезервировать себе место. «Не дергай меня попусту, – ответила она. – Третий табурет слева у стойки теперь твой».

Звякнул колокольчик у входа. В магазин зашла прелестная молодая женщина. Матиас отложил почту.

– У вас есть французские газеты? – спросила она.

Матиас указал на прилавок рядом с входом. Женщина взяла по экземпляру каждой и направилась к кассе.

– Скучаете по родине? – осведомился Матиас.

– Нет, пока еще рановато, – засмеялась та.

Она поискала мелочь в кармане и заметила, что магазин просто очарователен. Матиас поблагодарил и взял у нее из рук газеты. Одри огляделась вокруг. Одна из книг на верхней полке привлекла ее внимание. Она потянулась к ней, встав на цыпочки.

– Это у вас там наверху Лагард и Мишар, хрестоматия по литературе XVIII века?

Матиас подошел к книжному шкафу и кивнул.

– Могу я ее купить?

– У меня есть экземпляр в гораздо лучшем состоянии, прямо перед вами, – заверил Матиас, беря книгу со стеллажа.

Одри рассмотрела том, который протягивал ей Матиас, и тут же вернула.

– Но это же хрестоматия по XX веку!

– Верно, зато она почти новая! Разница в три века, естественно, это чувствуется. Посмотрите сами, ни одного сгиба, ни одного пятнышка.

Она от всего сердца рассмеялась и указала на том на самой верхней полке:

– Но мне нужна та книга.

– Я могу прислать вам ее, она очень тяжелая, – ответил Матиас.

Одри озадаченно посмотрела на него:

– Я иду во французский лицей, на том углу, так что лучше захвачу ее с собой.

– Как вам угодно, – сдался Матиас.

Он взялся за старинную деревянную стремянку, подкатил ее по медным рельсам так, чтобы она стала ровно под прямым углом к полке, на которой покоился труд Лагарда и Мишара.

Глубоко вздохнув, он поставил ногу на первую ступеньку, зажмурил глаза и начал подъем, изо всех сил стараясь не спутать порядок движений. Добравшись до нужной высоты, он пошарил рукой. Ничего не обнаружив, приоткрыл глаза, заметил необходимую обложку, ухватил книгу и повернулся, не в силах спуститься. Сердце вырывалось из груди. Совершенно парализованный, он изо всех сил вцепился в стремянку.

– Все в порядке?

Голос Одри прозвучал в его ушах как сквозь вату.

– Нет, – пробормотал он.

– Вам помочь?

Его «да» было таким слабеньким, что его едва можно было расслышать. Одри вскарабкалась к нему. Она аккуратно забрала из его рук книгу и бросила ее вниз. Потом положила поверх его рук свои и, подбадривая, потянула вниз. Ценой огромного терпения ей удалось заставить его спуститься на три ступеньки. Прикрывая его своим телом, она сумела убедить Матиаса, что пол уже близок. Он прошептал, что ему нужно еще немного времени. В тот момент, когда в магазин зашел Антуан, сплетенных Матиаса и Одри отделяла от пола всего одна ступенька.

Она разжала руки. Матиас, пытаясь сохранить остатки достоинства, подобрал книгу, положил ее в бумажный пакет и протянул Одри. От платы он отказался – не надо лишать его удовольствия сделать этот маленький подарок. Она поблагодарила и покинула магазин под любопытным взглядом Антуана.

– Могу я поинтересоваться, чем ты здесь занимался?

– Своей работой!

Антуан глядел на него в недоумении.

– Чем могу тебе помочь? – спросил Матиас.

– Мы договаривались вместе пообедать.

Матиас заметил газеты, лежащие рядом с кассой. Он схватил их, попросил Антуана секунду подождать и кинулся на улицу. Мчась на всех парах, он пронесся по Бьют-стрит, свернул на Харрингтон-роуд и, наконец, нагнал Одри на площади у школьного комплекса.

– Не стоило так беспокоиться, – сказала девушка, поблагодарив.

– Я, наверно, очень смешон, да?

– Вовсе нет; но головокружение ведь лечится, – заметила она, проходя через решетчатую ограду лицея.

Матиас смотрел, как она пересекает школьный двор; направляясь обратно в магазин, он обернулся и заметил, как она подходит к галерее. Несколько секунд спустя Одри в свою очередь обернулась, чтобы увидеть, как он исчезает за углом.

– У тебя продвинутое чувство коммерческой выгоды, – заметил Антуан, встречая его в магазине.

– Она попросила Лагарда и Мишара, направлялась в лицей, значит, она учительница, а потому нечего меня упрекать в том, что я всячески содействую образованию наших детей.

– Учительница или нет, но она даже за газеты не заплатила!

– Обедать идем? – спросил Матиас, открывая перед Антуаном дверь.

***

Софи зашла в ресторан и присоединилась к Антуану с Матиасом. Не дожидаясь заказа, Ивонна принесла им блюдо с сырной запеканкой.

– У тебя битком народу, – заметил Матиас, – дела идут неплохо!

Антуан толкнул его ногой под столом. Ивонна отошла, ничего не сказав.

– Что такое, я опять сказал что-то не к месту?

– Она еле выкручивается. Вечером здесь почти никого нет, – пояснила Софи, накладывая ему в тарелку кушанье.

– Обстановка немного устарела, не мешало бы подновить.

– Ты стал экспертом по дизайну? – спросил Антуан.

– Я хотел помочь. Согласись, это ж не вчера делалось, судя по всему!

– А судя по мне, когда я делался? – возразил Антуан, пожимая плечами.

– Вы двое просто пара несносных забияк!

– Но ты бы мог заняться отделкой, это ж твоя работа, ведь так? – не отставал Матиас.

– Ивонне это не по средствам, а кредиты она ненавидит, издержки старой школы, – сказала Софи. – И она по-своему права, вот если б я могла избавиться от тех кредитов, что взяла!

– Значит, так и будем сидеть сложа руки? – продолжал настаивать Матиас.

– А ты не мог бы пять минут поесть молча? – предложил Антуан.

***

Вернувшись в бюро, Антуан впрягся в работу, чтобы наверстать все накопившееся за последнюю неделю. Приезд Матиаса внес некоторую сумятицу в размеренное течение его жизни. Ближе к вечеру, когда за высокими окнами уже скрылось солнце, Антуан глянул на часы. Пора было ехать за сыном в школу, сделать кое-какие покупки и потом приготовить ужин.

Луи накрыл на стол и устроился в рабочем уголке, чтобы сделать домашние задания, пока Антуан суетился на кухне, одним ухом рассеянно прислушиваясь к репортажу, который шел по стоящему в гостиной телевизору, настроенному на программу «ТВ-5 Европа». Если б Антуан поднял глаза, он, возможно, узнал бы молодую женщину, встреченную им несколько часов назад в книжном магазинчике Матиаса.

Валентина пришла первой вместе с дочерью, Софи позвонила в дверь несколькими минутами позже, а Матиас, как и положено доброму соседу, прибыл последним. Все расселись за столом, кроме Антуана, который не мог отойти от своих кастрюль. Облаченный в фартук, он достал из духовки горячее блюдо, поставил его на разделочный столик. Софи поднялась, чтобы помочь ему; Антуан протянул ей пару тарелок:

– Отбивные с зеленой фасолью для Эмили, тарелка с пюре для Луи! Твои рожки будут готовы через две минуты, а картофельная запеканка с мясом для Валентины вот-вот.

– А для номера семь что будет? – со смехом поинтересовалась Софи.

– То же, что для Луи, – сосредоточенно ответил Антуан.

– Ты собираешься ужинать с нами? – уточнила Софи, усаживаясь обратно за стол.

– Да, да, – пообещал Антуан.

Софи несколько секунд смотрела на него, пока Антуан не призвал ее к порядку: пюре Луи сейчас остынет. Ему пришлось отвлечься от стряпни, чтобы принести тарелки Матиасу и Валентине. Он поставил блюда перед каждым и задержался, дожидаясь их реакции. Валентину содержимое ее тарелки привело в восторг.

– В своем Париже ты такого не попробуешь, – заметил он, отправляясь обратно к конфоркам.

Почти сразу он вернулся с рожками для Софи и опять подождал, пока она попробует, прежде чем вернуться на кухню.

– Антуан, сядь наконец, – попросила она.

– Уже иду, – отмахнулся он, держа губку в руке.

Стряпня Антуана вызвала бурное одобрение всего стола, но его собственная тарелка оставалась пустой. Подавая и убирая по мере надобности, он едва принимал участие в общей оживленной беседе. Когда дети начали позевывать, Софи на минутку отлучилась, поднявшись на второй этаж, чтобы уложить их. Луи заснул на руках у своей крестной еще до того, как она успела укутать его одеялом. Она вышла на цыпочках и тут же вернулась обратно, не удержавшись от желания еще раз расцеловать его. Во сне мальчик приоткрыл глаза и пробормотал слово, напоминавшее «дарфур». Софи ответила: «Спи крепко, дорогой», – и вышла, оставив дверь приотворенной.

Вернувшись в гостиную, она украдкой глянула на Антуана, который протирал посуду, не вмешиваясь в разговор Матиаса и Валентины.

Софи засомневалась, садиться ли ей обратно, но тут Антуан подошел к столу с большой миской шоколадного мусса.

– Ты когда-нибудь поделишься со мной рецептом? – спросила Валентина.

– Когда-нибудь! – обнадежил Антуан и снова убежал.

Вечер заканчивался. Антуан предложил оставить Эмили на ночь. Завтра он отвезет детей в школу. Валентина охотно согласилась, зачем же будить девочку. Было уже за полночь, надежда, что Ивонна осчастливит их неожиданным появлением, улетучилась, и все разошлись.

Антуан открыл холодильник, положил на тарелку кусочек сыра и хлеба к нему и устроился за столом, чтобы наконец поужинать. На крыльце раздались шаги.

– Кажется, я забыла у тебя мобильник, – сказала, заходя, Софи.

– Я положил его на стойку в кухне, – ответил Антуан.

Софи нашла свой телефон, убрала его в сумку. Внимательно посмотрела на губку, лежащую на краю раковины, на секунду замялась, потом взяла ее в руку.

– Что с тобой? – забеспокоился Антуан. – Ты какая-то странная.

– Знаешь, сколько времени ты провел сегодня вечером вот с этой штукой в руке? – поинтересовалась Софи ровным голосом, помахивая губкой.

Антуан нахмурился.

– Ты беспокоишься о том, что Матиас одинок – продолжила она, – а о собственном одиночестве ты никогда не думал?

Она бросила ему губку, которая приземлилась точно посередине стола, и вышла из дома.

***

Софи ушла уже больше часа назад. Антуан по-прежнему бродил кругами по гостиной. Подошел к стене, за которой проживал Матиас. Поскребся пальцем в перегородку, но с другой стороны в ответ не донеслось ни звука: его лучший друг, наверно, давно спал.

***

В один прекрасный день Эмили напишет в своем дневнике, что влияние Софи на ее отца сыграло решающую роль. Луи добавит на полях, что полностью с ней согласен.

5

Валентина обернула простыню вокруг талии и уселась верхом на Матиаса.

– У тебя сигареты есть?

– Я больше не курю.

– А я вот курю. – И она принялась рыться в своей сумочке, брошенной у постели.

Она подошла к окну, и пламя зажигалки осветило ее лицо. Матиас не сводил с нее глаз. Он любил движения ее губ, когда она курила, завитки летящего дыма.

– На что ты смотришь? – спросила она, прижавшись лицом к стеклу.

– На тебя.

– Я изменилась?

– Нет.

– Это ужасно, я буду так скучать по Эмили.

Он поднялся и подошел к ней. Валентина приложила руку к щеке Матиаса, поглаживая пробившуюся щетину.

– Оставайся! – прошептал он.

Она глубоко затянулась сигаретой, и раскаленный табак затрещал.

– Ты все злишься на меня?

– Перестань!

– Забудь, что я сейчас сказал.

– «Забудь, что я сказал», «сотри из памяти то, что я сделал», – ты уверен, что жизнь – карандашный набросок?

– Если карандаши цветные, то получится не так уж плохо, а?

– Взрослей, старина!

– Если б я повзрослел, ты бы никогда в меня не влюбилась.

– Если б ты повзрослел после этого, мы до сих пор были бы вместе.

– Останься, Валентина, дай мне второй шанс.

– Это наказание для нас обоих; я еще могу иногда быть твоей любовницей, но не женой, нет.

Матиас взял пачку сигарет, замялся и бросил ее обратно.

– Не зажигай свет, – тихонько попросила Валентина.

Она распахнула окно и вдохнула прохладный ночной воздух.

– У меня завтра поезд.

– Ты же сказала – в воскресенье. Тебя там кто-то ждет, да?

– А что это меняет?

– Я знаю его?

– Перестань причинять нам боль, Матиас.

– На этот раз скорее ты мне ее причиняешь.

– Значит, наконец ты сможешь понять, что я тогда чувствовала; и учти, в то время мы еще не расстались.

– А чем он занимается?

– Какое тебе до этого дело?

– А когда ты с ним спишь, тебе тоже хорошо?

Валентина не ответила, выбросила на улицу окурок и закрыла окно.

– Извини, – пробормотал Матиас.

– Мне пора одеваться и уходить.

В дверь застучали, и оба они подскочили.

– Кто это? – спросила Валентина.

Матиас посмотрел на будильник, стоящий на ночном столике.

– Представления не имею. Подожди, я спущусь посмотрю и принесу твои вещи.

Он повязал полотенце на бедра и вышел из комнаты. Стук во входную дверь усилился.

– Иду! – заорал он, спускаясь по лестнице.

***

Антуан, скрестив руки на груди, с решительным видом смотрел на друга.

– Послушай меня хорошенько, в одном я ни за что не уступлю: никаких нянь в доме! Мы сами будем заниматься нашими детьми.

– О чем ты говоришь?

– Ты по-прежнему хочешь, чтоб мы жили под одной крышей?

– Да, но, может, выберем другое время?

– Что значит – «другое время»? Ты хочешь сказать, что мы будем жить по раздельному времени?

– Я хочу сказать, что мы могли бы поговорить об этом позже!

– Ну уж нет, поговорим прямо сейчас! Мы должны установить твердые правила и всегда их придерживаться.

– Мы обязательно поговорим об этом, но завтра!

– Не начинай!

– Ладно, Антуан, я согласен на все твои правила.

– То есть как это ты согласен на все мои правила? Значит, если я скажу, что ты будешь каждый вечер выгуливать собаку, ты тоже будешь согласен?

– Ну нет, не каждый вечер!

– Вот видишь, ты не на все согласен!

– Антуан… у нас нет собаки!

– Перестань меня путать!

Валентина, завернувшись в простыню, перегнулась через перила лестницы.

– Все в порядке? – встревоженно спросила она.

Антуан поднял глаза и кивнул ей, успокаивая. Валентина вернулась в комнату.

– Да, ты действительно очень одинок, как я погляжу, – пробормотал Антуан, удаляясь.

Матиас закрыл за ним входную дверь. Не успел он и шага сделать в сторону гостиной, как Антуан забарабанил вновь. Матиас открыл.

– Она останется?

– Нет, она уезжает завтра.

– Главное, теперь, когда тебе перепала маленькая порция, еще полгода не приходи ко мне плакаться, как ты по ней скучаешь.

Антуан спустился по ступенькам крыльца, чтобы снова подняться к своей двери, и огонь на козырьке погас.

Матиас собрал вещи Валентины и пошел к ней в комнату.

– Что ему было нужно? – спросила она.

– Ничего, потом объясню.

***

Утром лондонская весна снова сговорилась с дождиком. Матиас уже сидел за стойкой бара Ивонны. Валентина только что зашла, встряхивая мокрыми волосами.

– Я пообедаю с Эмили, мой поезд только вечером.

– Ты мне вчера уже это говорила.

– Ты справишься?

– В понедельник у нее английский, во вторник дзюдо, в среду я веду ее в кино, в четверг гитара, а в пятницу…

Валентина его больше не слушала. Сквозь стекло она заметила на противоположном тротуаре Антуана, который заходил в свое бюро.

– Что ему понадобилось среди ночи?

– Кофе будешь?

Матиас рассказал ей о плане совместного проживания, подробно остановившись на всех преимуществах своего предложения. Луи и Эмили прекрасно ладили, как брат и сестра, жизнь под одной крышей гораздо легче организовать, особенно для него. Подавленная Ивонна предпочла оставить их наедине. Валентина дослушала его, вволю посмеявшись, и слезла с табурета.

– Ты ничего не скажешь?

– А что ты хочешь чтобы я сказала? Лишь бы вы были счастливы!

Валентина отправилась к Ивонне на кухню и обняла ее:

– Я буду приезжать повидаться.

– Так всегда говорят, когда уезжают, – вздохнула Ивонна.

Вернувшись в зал, Валентина поцеловала Матиаса и вышла из ресторана.

***

Антуан подождал, пока Валентина повернет за угол. Он покинул свой наблюдательный пост у окна бюро, сбежал по лестнице, перебежал через улицу и зашел к Ивонне. Чашечка кофе уже ждала его на стойке.

– Как все прошло? – поинтересовался он у Матиаса.

– Отлично.

– Ночью я послал мейл матери Луи.

– Ответ уже получил?

– Сегодня утром, когда пришел в бюро.

– И что?

– Карина спросила, должен ли будет Луи в начале следующего учебного года поставить твое имя в графе «совместное проживание», заполняя классный журнал.

Ивонна забрала со стойки две пустые чашки.

– А с детьми вы уже говорили?

***

Перестройка конюшен не представлялась возможной с экономической точки зрения, но Антуан, демонстрируя эскизы проекта, объяснил идею, которая пришла ему в голову ночью.

Перегородка, разделяющая их дом, не несет никакой нагрузки. Достаточно снести ее, чтобы дом обрел первоначальный вид, а внизу можно создать одно большое общее пространство. Конечно, необходимо кое-где подремонтировать пол и потолок, но все работы займут не больше недели.

Две лестницы будут вести на второй этаж, это создаст у каждого ощущение, что он может подняться «к себе». Маккензи подъедет, чтобы на месте утвердить проект. Антуан отправился обратно в бюро, а Матиас в свой книжный магазин.

***

Валентина забрала Эмили из школы. Она решила, что отведет дочь обедать в «Медитерранео», один из лучших итальянских ресторанов города. Двухэтажный автобус довез их до Кенсингтон-Парк-роуд.

Солнце заливало улицы Ноттинг-Хилла. Они устроились на террасе. Валентина заказала две пиццы. Они пообещали друг другу звонить каждый вечер, чтобы обмениваться всеми новостями, и постоянно переписываться по электронной почте.

Валентину ждала новая работа, поэтому она не могла взять отпуск на Пасху, зато летом они отправятся в большое путешествие – только девочки. Эмили успокоила маму: все будет хорошо, она приглядит за папой, будет проверять перед сном, заперта ли входная дверь и все ли выключено в доме. Она обещает всегда пристегиваться в машине, даже в такси, надевать шапочку по утрам, если будет холодно, не болтаться подолгу в книжном магазине, не забрасывать занятия гитарой хотя бы до следующих каникул, вот… Когда Валентина отвезла дочь обратно в школу, свое обещание она сдержала. Она не плакала, по крайней мере до того момента, пока Эмили не исчезла за дверями класса. В тот же вечер «Евростар» доставил ее в Париж. С Северного вокзала такси отвезло ее в небольшую служебную квартиру в Девятом округе, где ей предстояло жить.

***

Маккензи просверлил две дырки в разделительной стене и радостно подтвердил Антуану и Матиасу, что она не является несущей.

– Мне действует на нервы, когда он так делает! – проворчал Антуан, отправляясь на кухню за стаканом воды.

– А что такого он сделал? – недоуменно спросил Матиас, идя следом за другом.

– Да этот его вечный номер со сверлом, чтобы проверить, правильно ли я сказал! Я еще могу отличить, где несущая стена, а где нет, черт побери, я такой же архитектор, как и он, в конце-то концов!

– Ну конечно, – тихо заверил Матиас.

– Не слышу особой уверенности в твоем голосе…

– В зрелости твоих мозгов у меня нет особой уверенности! Зачем ты это говоришь мне? Скажи ему!

Антуан решительным шагом направился к коллеге. Маккензи как раз убирал очки в верхний карман куртки и не дал Антуану возможности заговорить первым.

– Полагаю, мы закончим месяца через три, и дом приобретет свой первоначальный вид. Мы даже можем сделать слепки карнизов… чтобы лучше смотрелось.

– Три месяца? Вы собираетесь сносить эту перегородку кофейными ложечками? – взвился Матиас. Его интерес к разговору внезапно возрос вдвое.

Маккензи пояснил, что строительные работы в этом квартале требуют специальных разрешений. На все процедуры уйдет около восьми недель, по истечении которых агентство может запросить у службы парковки разрешение на стоянку грузовика с контейнером для строительного мусора. А что до сноса перегородки, на это уйдет не больше двух-трех дней.

– А если обойтись без разрешений? – проворковал Матиас на ухо Маккензи.

Тот даже не дал себе труда ответить. Он забрал свою куртку и пообещал Антуану прямо с этого уик-энда начать подготовку бумаг для получения разрешений.

Антуан посмотрел на часы. Софи согласилась закрыть свой магазинчик, чтобы забрать детей из школы, но пора было сменить ее на посту. Два друга прибыли в цветочную лавку с получасовым опозданием. Сидя по-турецки прямо на полу, Эмили помогала Софи ощипывать листочки с роз, а Луи за прилавком раскладывал по размерам плетеные веревочки. В качестве извинений оба отца пригласили всех поужинать. Софи приняла приглашение только при условии, что они отправятся к Ивонне. Таким образом Антуану, возможно, удастся поужинать вместе с ними. Он воздержался от комментариев.

В разгар трапезы Ивонна присоединилась к ним за столом.

– Завтра у меня будет закрыто, – предупредила она, наливая себе стаканчик вина.

– В субботу? – удивился Антуан.

– Мне нужно передохнуть…

Матиас грыз ногти, Антуан шлепнул его по руке.

– Прекрати немедленно!

– Ты о чем? – с невинным видом спросил Матиас.

– Ты прекрасно знаешь о чем!

– Подумать только, и вы еще собираетесь жить вместе! – заметила Ивонна с едва заметной усмешкой.

– Мы всего лишь снесем перегородку, нашли из чего раздувать историю.

***

Утром в субботу Антуан отвел детей в «Челси Фармерс Маркет». Прогуливаясь по отделу растений, Эмили выбрала два розовых куста, чтобы посадить их с помощью Софи в саду. Собиралась гроза, и было принято решение отправиться в Тауэр. Посетили они и Музей ужасов, где Луи служил им гидом; он счел своей обязанностью успокаивать отца перед входом в каждый следующий зал. Правда, не надо нервничать, ведь все эти фигуры из воска.

Матиас воспользовался свободным утром, чтобы подготовить заказы. Он просмотрел список книг, проданных за первую неделю, и остался доволен результатом. Пока он отмечал на полях реестра те книги, которые требовалось дозаказать, кончик карандаша остановился на строчке, где значился один экземпляр Лагарда и Мишара, XVIII век. Его глаза оторвались от тетради и

остановились на старинной деревянной стремянке, закрепленной на медном рельсе.

***

Софи едва не вскрикнула. Порез прошел по всему пальцу. Секатор соскользнул со стебля. Она убежала в подсобку. Чистый спирт, попав на рану, вызвал нестерпимую боль. Она глубоко вдохнула, снова смочила порез и переждала несколько секунд, приходя в себя. Дверь магазина отворилась, она быстро достала из аптечного шкафчика коробочку с бинтами, закрыла стеклянную дверцу и вернулась к своим покупателям.

***

Ивонна закрыла дверцу туалетного шкафчика над раковиной. Она нанесла на щеки немного румян, привела в порядок волосы и решила, что без косынки не обойтись. Пройдя через комнаты, взяла свою сумочку, положила туда солнечные очки и спустилась по маленькой лестнице в ресторан. Жалюзи были опущены; она приоткрыла дверь, ведущую во двор, удостоверилась, что путь свободен, и пошла вдоль витрин на Бьют-стрит, постаравшись побыстрее проскочить мимо витрины Софи. Добравшись до остановки автобуса, ходящего по Олд-Бромптон-роуд, купила у кондуктора билет и устроилась на втором этаже. Если нет пробок, она успеет вовремя.

Автобус высадил ее перед оградой кладбища Олд-Бромптон. Это место дышало волшебством. В выходные дни дети катались здесь на велосипедах по зеленым аллеям наперегонки с бегунами. На старинных могильных камнях, чей возраст насчитывал несколько веков, белки без страха дожидались гуляющих. Сидя на задних лапках, они ловили орешки, которыми их угощали, и грызли их к великому удовольствию влюбленных, расположившихся под деревьями. Ивонна дошла по центральной аллее до ворот, выходящих на Фулхэм-роуд. Это была ее любимая дорога к стадиону. Стэмфорд Бридж уже заполнялся народом. Как и каждую субботу, на несколько часов мирное существование кладбища будет нарушено криками с трибун. Ивонна извлекла из сумочки свой билет, повязала на голову газовую косынку и надела солнечные очки.

***

На Портобелло-роуд молодая журналистка и оператор пили чай, устроившись на террасе кафе «Электрик». Утром того же дня в доме на Брик-Лейн, арендованном телекомпанией, на которую она работала, Одри просмотрела все материалы, отснятые за неделю при ее участии. Проделанная работа показалась ей вполне приличной. Такими темпами она скоро закончит свой репортаж и сможет вернуться в Париж, чтобы приступить к монтажу. Девушка расплатилась по счету, принесенному официанткой, и покинула своего напарника, решив посвятить остаток дня походу по магазинам, которых в этом квартале было немало. Встав, она посторонилась, пропуская мужчину с двумя детьми, голодными и усталыми после насыщенного дня.

***

Болельщики «Манчестер Юнайтед» в едином порыве вскочили с трибун. Мяч угодил в штангу ворот «Челси» и отлетел в поле. Ивонна села на место, досадливо хлопнув в ладоши.

– Это же надо, упустить такой случай! Позорище!

Сидящий рядом мужчина улыбнулся.

– Можешь мне поверить, во времена Кантоны такого быть не могло, – гневно продолжила она. – Ты же не станешь спорить, что им просто лень сосредоточиться, этим дурням, иначе они забили бы!

– Я вообще молчу, – ласково заметил мужчина.

– Все равно ты ничего не понимаешь в футболе.

– Я предпочитаю крикет.

Ивонна положила голову ему на плечо.

– Ты ничего не понимаешь в футболе… но все равно мне хорошо с тобой.

– Ты хоть отдаешь себе отчет? Если бы в твоем квартале узнали, что ты болеешь за «Манчестер Юнайтед»? – прошептал мужчина ей на ухо.

– А как ты думаешь, почему я принимаю такие меры предосторожности, когда иду сюда!

Мужчина посмотрел на Ивонну, та не отводила глаз от поля. Он полистал буклет, лежащий у него на коленях.

– Это же конец сезона, верно?

Ивонна не ответила, слишком поглощенная матчем.

– Тогда, быть может, у меня есть надежда, что на будущие выходные ты все-таки приедешь ко мне? – продолжил он.

– Посмотрим, – ответила она, следя за нападающим «Челси», который на опасной скорости приближался к воротам.

Она приложила палец к губам своего спутника и добавила:

– Я не могу делать два дела одновременно, и если кому-нибудь не придет наконец в голову остановить этого прыткого угря, то мой вечер пропал, и твой тоже!

Джон Гловер погладил руку Ивонны, покрытую коричневыми пятнами, которые на ней оставила жизнь. Ивонна пожала плечами.

– В молодости у меня были красивые руки.

Ивонна вскочила с искаженным лицом, затаив дыхание. В последний момент мяч был перехвачен и послан в другую сторону поля. Она выдохнула и села.

– Знаешь, я скучала по тебе всю неделю, – смягчившись, призналась она.

– Тогда приезжай на следующие выходные!

– Это ты вышел на пенсию, а не я!

Свисток арбитра обозначил конец первого тайма. Они встали с мест, чтобы выпить в буфете чего-нибудь холодненького. Поднимаясь по ступенькам трибун, Джон поинтересовался, как дела в книжном магазине.

– Это только первая его неделя, привыкает твой Попино, если ты об этом, – ответила Ивонна.

– Именно. Я именно об этом, – подтвердил Джон.

***

Вернувшись домой пораньше, дети играли у себя наверху в ожидании достойного полдника. Антуан, облаченный в клетчатый фартук, опершись на кухонную стойку, внимательно читал новый рецепт блинов. В дверь позвонили. Матиас ждал на крыльце, прямой, как кол. Антуан внимательно его оглядел, заинтригованный странным нарядом.

– Могу я полюбопытствовать, почему на тебе лыжные очки? – спросил он.

Матиас отодвинул его с прохода. Еще более озадаченный, Антуан не сводил с него глаз. Матиас уронил к ногам сложенный брезентовый чехол.

– Где твоя газонокосилка?

– Что ты собираешься делать с газонокосилкой в гостиной?

– Ты задаешь столько вопросов, что просто сил нет!

Матиас пересек комнату и вышел в сад с другой стороны дома. Антуан шел следом. Матиас открыл дверь маленького сарая, выкатил газонокосилку и ценой титанических усилий водрузил ее на два валявшихся неподалеку чурбана. Он удостоверился, что колеса не касаются земли и что вся конструкция достаточно устойчива. Установив сцепление на холостой ход, он дернул за стартер.

Двухтактный мотор заработал с оглушительным шумом.

– Я вызываю тебе «скорую»! – заорал Антуан.

Матиас двинулся в обратном направлении, прошел через дом, развернул чехол и исчез с ним у себя. Антуан остался стоять в одиночестве посреди гостиной, разводя руками и задаваясь вопросом, какая муха укусила его друга. От страшного удара затряслась перегородка. Второй мощный удар, и в ней образовалась дырка внушительных размеров, в которую выглядывала радостная физиономия Матиаса.

– Добро пожаловать домой! – провозгласил сияющий Матиас, расширяя еще больше отверстие в разделительной стене.

– Ты окончательно спятил, – завопил Антуан. – Соседи на нас пожалуются!

– Учитывая, какой грохот стоит в саду, меня б это удивило! Помоги лучше, чем орать. Вдвоем мы закончим еще до ночи!

– А дальше что?! – продолжал вопить Антуан, глядя на гору строительной трухи, которая росла на полу его гостиной.

– А дальше мы сложим эту стенку в мусорные пакеты, уберем их в твой сарай и за несколько недель потихоньку от них избавимся.

Обрушился еще кусок стены; пока Матиас продолжал свое дело, Антуан уже прикидывал, какие отделочные работы необходимо будет срочно провести, чтобы его гостиная в один прекрасный день вновь обрела относительно нормальный вид.

На втором этаже Эмили и Луи включили в своей комнате телевизор, уверенные, что в новостях сейчас сообщат о землетрясении, потрясшем квартал Южный Кенсингтон. Спустилась ночь; разочарованные тем, что Земля и не собиралась дрожать, но гордые доверенным секретом и довольные тем, что им позволено так поздно не спать, дети помогали нагружать строительным мусором мешки, которые Антуан уносил затем в глубину сада. Наутро был срочно вызван Маккензи. По голосу Антуана он оценил всю серьезность ситуации. Чувство

долга одержало верх, он согласился присоединиться к ним, несмотря на воскресенье, и прибыл на грузовичке, принадлежащем бюро.

К концу выходных, хоть потолок и остался недобеленным, Матиас и Антуан официально отметили начало совместного проживания. Вся компания была приглашена отпраздновать это событие, и, когда Маккензи узнал, что Ивонна по такому поводу согласилась покинуть свой ресторанчик, он тоже решил остаться.

Первый спор между друзьями разгорелся по поводу обстановки дома. Соседство их мебели в одном помещении производило странное впечатление. По утверждению Матиаса, первый этаж мог соперничать с суровостью монашеской кельи. Напротив, доказывал Антуан, очень даже уютное местечко. Все помогали перетаскивать мебель. Круглый столик на ножке, принадлежащий Матиасу, расположился между двумя клубными креслами, принадлежащими Антуану. Пятью голосами против одного (Матиас единственный проголосовал «за», Антуан же тактично воздержался) ковер – персидский, если верить Матиасу, и сомнительного происхождения, по мнению Антуана, – был свернут, перевязан и убран в садовую пристройку.

Во имя обеспечения мира в доме, руководство дальнейшими действиями принял на себя Маккензи, и только Ивонна обладала правом вето на его предписания. Не то чтобы она на этом настаивала, просто стоило ей высказать свое мнение, как щеки инженера начинали подозрительно розоветь, а его словарный запас сводился к «вы безусловно правы, Ивонна».

К концу вечера первый этаж полностью преобразился. Оставалось разобраться со вторым. Матиас находил свою комнату куда менее привлекательной, чем у друга. Антуан не понимал, чем именно, но пообещал заняться этим в ближайшее время.

6

Воскресную эйфорию сменила первая неделя совместной жизни. Началась она, разумеется, с завтрака по-английски, приготовленного Антуаном. До того как

все семейство спустилось к столу, он тихонько подсунул записку под чашку Матиаса, вытер руки о фартук и прокричал всем заинтересованным лицам, что яйца сейчас остынут.

– А чего ты так орешь?

Антуан подскочил: он не заметил, как спустился Матиас.

– Никогда не видел, чтобы кто-то так сосредоточился на изготовлении двух тостов.

– В следующий раз поджаришь их себе сам! – ответил Антуан, протягивая ему тарелку.

Матиас встал, чтобы налить себе чашку кофе, и заметил записку Антуана.

– Это что такое? – удивился он.

– Успеешь прочесть, садись и ешь, пока горячее.

Дети влетели ураганом и положили конец любым разговорам. Эмили по-командирски указала пальчиком на часы: «мы опоздаем в школу».

Матиас, с полным ртом, вскочил, накинул пиджак, схватил дочь за руку и потянул ее к двери. Эмили едва успела поймать на лету батончик мюсли, который Антуан кинул ей из кухни, как уже бежала с ранцем на спине по тротуару Клервил-гроув.

Когда они переходили Олд-Бромптон-роуд, Матиас прочитал записку, которую прихватил с собой, и остановился посреди дороги. Он тут же полез за мобильником и набрал домашний номер.

– Это что значит – приходить домой не позже полуночи?

– Что ж, начну сначала. Правило номер один: никаких нянь; правило номер два: никаких женщин в доме; и правило номер три: в крайнем случае можно вернуться в половине первого, но ни минутой позже.

– Я что, похож на Золушку?

– Ступеньки на лестнице скрипят, я не хочу, чтобы ты всех нас перебудил.

– Я буду снимать ботинки.

– Мне в любом случае хотелось бы, чтобы ты снимал их у входа.

И Антуан отсоединился.

– Чего он хотел? – спросила Эмили, изо всех сил дергая отца за руку.

– Ничего, – пробормотал Матиас. – Ну и как тебе понравилась семейная жизнь? – поинтересовался он у дочери, переходя на другую сторону.

***

В понедельник Матиас забрал детей из школы. Во вторник наступила очередь Антуана. В среду в обеденное время Матиас закрыл книжный магазин, чтобы в качестве сопровождающего родителя присоединиться к классу Эмили, который отправился на экскурсию в Музей естественной истории. Девочке пришлось призвать на помощь двух подружек, чтобы вытянуть папу из зала, где были выставлены муляжи животных юрского периода, выполненные в натуральную величину. Ее отец отказывался двинуться с места, пока механический тираннозавр не выпустил траходона, которого трепал в пасти. Хотя классная руководительница была категорически против, Матиас настаивал, пока не добился своего, чтобы каждый ребенок вместе с ним хоть раз посидел в имитаторе землетрясения. Чуть позже, будучи уверен, что миссис Уоллес воспротивится и тому, чтобы они посмотрели на рождение вселенной, которое показывали в двенадцать пятнадцать в планетарии, он подстроил так, чтобы в двенадцать одиннадцать они оторвались от нее, воспользовавшись тем, что она пошла в туалет. Когда начальник службы безопасности поинтересовался у нее, как она умудрилась разом потерять двадцать четыре ребенка, миссис Уоллес

вдруг сообразила, где искать пропажу. Выйдя из музея, Матиас угостил всех вафлями в качестве извинений. Учительница его дочери согласилась попробовать одну, а Матиас настоял, чтобы она взяла и вторую, на этот раз намазанную толстым слоем каштанового крема.

В четверг покупки были поручены Антуану, а в пятницу этим занимался Матиас. В супермаркете продавцы не понимали ни слова из того, что он пытался им втолковать, и он отправился за помощью к одной из кассирш, которая оказалась испанкой; ее сменила доброжелательная покупательница, не то датчанка, не то шведка, Матиас так и не понял, но это никоим образом не решило его проблему. Исчерпав все возможности и выбор замороженных продуктов, Матиас взялся за мобильник и стал звонить Софи у четных рядов и Ивонне у нечетных. В конце концов он решил, что слово «котлеты», написанное в его списке, вполне могло читаться как «курица», и он не виноват, что у Антуана такой неразборчивый почерк.

В субботу шел дождь, и все остались дома. Вечером в воскресенье в гостиной, где Матиас играл с детьми, раздался громовой взрыв хохота. Антуан поднял голову от чертежей, увидел радостное лицо своего лучшего друга, и на мгновение ему почудилось, что в их жизни воцарилось счастье.

***

В понедельник утром Одри подошла к ограде французского лицея. Пока она беседовала с директором, ее оператор снимал школьный двор.

– Именно за этим окном генерал де Голль бросил свой призыв 18 июня. – Месье Бешран указал на белый фасад нового здания.

Французский лицей имени Шарля де Голля обеспечивал качественное образование более чем двум тысячам учеников, начиная с младших классов и до экзаменов на бакалавра. Директор показал ей несколько классных комнат и предложил, если ей будет угодно, посетить учительское собрание, которое состоится как раз сегодня после полудня. Одри с воодушевлением согласилась. Для ее репортажа мнения воспитателей будут бесценны. Она попросила разрешения взять интервью у нескольких преподавателей, и месье Бешран ответил, что она может договориться напрямую с любым из них.

***

Как обычно по утрам, на Бьют-стрит царило оживление. Сновали грузовички, доставлявшие товары в многочисленные магазинчики, расположенные вдоль улицы. На террасе небольшого кафе по соседству с книжной лавкой Матиас смаковал капуччино, читая газету и несколько выделяясь на общем фоне мамаш, которые собирались здесь, отведя детей в школу. На другой стороне улицы Антуан сидел в своем бюро. У него оставалось всего несколько часов, чтобы завершить подготовительный проект, который он должен был представить одному из самых крупных заказчиков агентства, к тому же он обещал Софи сочинить для нее новое письмо.

После нескольких часов напряженной работы он предложил своему инженеру устроить небольшой, но вполне заслуженный перерыв на обед. Они перешли через дорогу и направились к Ивонне.

Передышка длилась недолго. Клиенты ожидались через час, а чертежи еще не были распечатаны. Проглотив последний кусок, Маккензи убежал.

Уже на пороге он прошелестел: «До свидания, Ивонна», на что она ответила, не отрывая глаз от своей бухгалтерской книги: «Да, да, до свидания, Маккензи».

– Ты не хочешь попросить этого твоего инженера оставить меня в покое?

– Он в тебя влюблен. Что я могу поделать?

– Ты знаешь, сколько мне лет?

– Да, но он британец.

– Это не все оправдывает.

Она закрыла свой гроссбух и вздохнула:

– Я собираюсь откупорить бутылочку хорошего бордо. Налить стаканчик?

– Нет, но мне бы хотелось, чтобы ты присела выпить его со мной.

– Лучше я останусь за стойкой, так удобней клиентам.

Антуан окинул взглядом пустой ресторан; смирившись, Ивонна открыла бутылку и присоединилась к нему со стаканом в руке.

– Что не так? – спросил он.

– Долго мне в таком духе не продержаться, я слишком устала.

– Возьми кого-нибудь себе в помощь.

– У меня не так много посетителей, если я кого-то найму, то останется только ликвидировать заведение, а оно и так, должна тебе признаться, на ладан дышит.

– Нужно бы подновить зал.

– Это хозяйку следовало бы подновить, – вздохнула Ивонна, – и потом, на какие деньги?

Антуан извлек из кармана механический карандаш и принялся чертить набросок на бумажной салфетке.

– Вот смотри, я уже давно об этом подумываю; по-моему, можно найти приемлемый вариант.

Ивонна нацепила очки на кончик носа, и ее глаза осветились полной нежности улыбкой.

– Ты давно уже подумываешь о моем зале?

Антуан подошел к телефону на стойке и позвонил Маккензи, попросив начинать встречу без него. Он немного задержится. Повесил трубку и повернулся к Ивонне:

– Ладно, давай объясню по порядку.

***

Пользуясь небольшим затишьем ближе к полудню, Софи навестила Матиаса в его магазине и принесла ему букет садовых роз.

– Легкое ощущение присутствия здесь женской руки не помешает, – заметила она, пристраивая вазу рядом с кассой.

– А что, тебе кажется, что здесь все слишком по-мужски?

Зазвонил телефон. Матиас извинился перед Софи и снял трубку:

– Конечно, я могу сходить на родительское собрание. Хорошо, я не буду ложиться, пока ты не придешь. Ты заедешь за детьми в школу? Да, и я тебя обнимаю!

Матиас положил трубку на рычаг; Софи поглядела на него внимательно и собралась обратно на работу.

– Забудь все, что я тебе сказала! – добавила она от дверей смеясь.

И закрыла за собой дверь магазина.

***

Матиас опоздал. Единственным его оправданием было то, что в книжном магазине скопилось полно народа. Когда он пришел в лицей, на школьном дворе уже никого не было. Три учительницы, которые болтали под портиком, разошлись по своим классам. Матиас прошел вдоль стены и встал на цыпочки, чтобы заглянуть в окно. Зрелище было довольно странное. За партами вместо школьников сидели взрослые. В первом ряду чья-то мама подняла руку, чтобы задать вопрос, а чей-то отец тянул свою, чтобы учительница его заметила. Отличник – это на всю жизнь, никуда не денешься.

Матиас не имел никакого представления, куда ему идти; если он не сдержит обещания заменить Антуана на родительском собрании класса Луи, то пилить его будут месяца два, не меньше. К его великому облегчению, через двор шла молодая женщина. Матиас бросился к ней.

– Мадемуазель, не скажете ли, где класс CM2-A, пожалуйста?

– Вы опоздали, собрание только что закончилось, я как раз с него иду.

Внезапно узнав свою собеседницу, Матиас поздравил себя с неожиданным везением. Захваченная врасплох, Одри пожала протянутую руку.

– Вам понравилась книга?

– Лагард и Мишар?

– Я прошу вас об огромной услуге. Я сам в классе CM2-Б, но отца Луи задержали в бюро, и он меня попросил…

Одри обладала неоспоримым обаянием, и Матиас отчасти лишился способности связно излагать свои мысли.

– Класс на этом этаже? – пробормотал он.

– Да, я полагаю…

Беседу прервал школьный звонок. Дети уже заполнили двор. Одри сказала Матиасу, что ей было приятно снова его повидать. Она уже уходила, когда под большим платаном началось странное столпотворение. Они подняли головы: ребенок вскарабкался на дерево и теперь застрял на одной из самых высоких ветвей. Малыш едва сохранял хрупкое равновесие. Матиас бросился вперед и, не раздумывая, полез по стволу, быстро исчезнув в листве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mark-levi/kazhdyy-hochet-lyubit-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити